

Луиза Мэй Олкотт

МАЛЕНЬКИЕ
ЖЕН
ЩИ
НЫ

Луиза Мэй Олкотт
Маленькие женщины

«ЭКСМО»

1868

Олкотт Л.

Маленькие женщины / Л. Олкотт — «Эксмо», 1868

ISBN 978-5-699-67531-9

Знаменитая повесть Луизы Мэй Олкотт «Маленькие женщины» стала классикой мировой детской литературы. Увлекательная история о детстве четырех сестер завоевала сердца не одного поколения читателей.

ISBN 978-5-699-67531-9

© Олкотт Л., 1868

© Эксмо, 1868

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

© Батищева М., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Теперь же, Книга, плод моих трудов, иди
И покажи всем, что хранишь
в своей груди.
Ты развлекай и поучай друзей моих,
Пусть верный путь к добру
им мой укажет стих.
Надеждой льщи себя, что сбудутся мечты,
Что жизни смысл понять
им всем поможешь ты.
Ты познакомь их с Милосердием; оно
На жизненном пути быть правилом должно.
Пусть голос звучный твой
дев юных призовет
Ценить тот мир, что есть, и тот,
что всех нас ждет.
В душе имея Господа, пусть с Ним
Пойдет надежнейшей тропею пилигрим.

Джон Беньян

Глава 1

Игра в пилигримов

Без подарков и Рождество не Рождество, – недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврике перед камином.

– Как это отвратительно – быть бедным! – вздохнула Мег и опустила взгляд на свое старое платье.

– Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, – обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

– Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, – с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица, освещенных огнем камина, на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

– Нет у нас папы и долго не будет.

Она не произнесла: «Быть может, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них – там, где сражаются¹.

С минуту все молчали, затем Мег заговорила другим тоном:

– Вы же знаете, почему мама предложила не делать друг другу подарков на Рождество. Зима предстоит тяжелая, и мама считает, что нам не следует тратить деньги на удовольствия, в то время как мужчины несут все тяготы фронтовой жизни. Мы мало чем можем помочь им, но все же способны принести свои маленькие жертвы и должны делать это с радостью. Но, боюсь, в моей душе этой радости нет. – И Мег покачала головой, с грустью подумав обо всех тех красивых вещах, которые ей хотелось иметь.

– А по-моему, те небольшие карманные деньги, какие у нас есть, не могут принести заметную пользу. У каждой из нас всего лишь доллар, и вряд ли мы так уж поможем армии, если пожертвуем ей эти деньги. Я согласна не ожидать никаких подарков от мамы и от вас, но очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама»². Я так долго об этом мечтала! – сказала Джо, которая была известной пожирательницей книг.

– Я собиралась потратить свой доллар на новые ноты, – проронила Бесс с таким легким вздохом, что его услышали лишь стоявшие поблизости подставка для чайника и щетка для выметания очага.

– А я куплю себе коробку цветных карандашей. Мне они совершенно необходимы, – заявила Эми решительно.

– Мама ничего не говорила о наших карманных деньгах, и она, конечно, не станет требовать, чтобы мы полностью отказались от всяких удовольствий. Пусть каждая из нас купит что хочет, и мы хоть немного порадуетесь. По-моему, мы заслужили это тем, что так усердно трудились! – воскликнула Джо, по-мужски оглядывая каблуки своих стоптанных туфель.

– Уж мне-то действительно пришлось нелегко – учить этих надоедливых детей чуть ли не целыми днями, когда так хочется домой, – снова начала Мег жалобным тоном.

– Тебе было далеко не так тяжело, как мне, – заявила Джо. – Как бы тебе понравилось часами сидеть взаперти с суматошной и капризной старухой, которая не дает тебе ни минуты покоя, вечно недовольна и надоедает до такой степени, что ты готова выброситься из окна или зарыдать?

---

¹ Действие происходит в одном из городов на севере США в период Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865).

² «Ундина и Синтрам» (1811) – произведение немецкого писателя-романтика Фридриха де ла Мотт Фуке (1774–1843).

– Нехорошо, конечно, жаловаться, но я считаю, что мыть посуду и поддерживать порядок в доме – самая неприятная работа на свете. От нее я становлюсь раздражительной, а руки делаются как деревянные, так что я даже не могу как следует играть гаммы. – И Бесс взглянула на свои загрубевшие руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

– А я думаю, что ни одна из вас не страдает так сильно, как я! – воскликнула Эми. – Ведь вам не приходится ходить в школу и сидеть там с наглыми девчонками, которые ябедничают на тебя, если ты не знаешь урока, смеются над твоими платьями, оскорбляют тебя из-за того, что у тебя не очень красивый нос, и *чистят* твоего отца, так как он небогат.

– Если ты хочешь сказать *честят*, то так и скажи, а не говори об отце так, как будто он закопченный чайник, – посоветовала Джо со смехом.

– Я прекрасно знаю, что я хочу сказать, и ни к чему обращаться ко мне с таким *старказмом*. Это очень похвально – употреблять хорошие слова и пополнять свой *лисикон*, – с достоинством парировала Эми.

– Не ключите друг друга, детки. Разве тебе, Джо, не хотелось бы, чтобы у нас сейчас были те деньги, которых папа лишился, когда мы были маленькими? – сказала Мег, которая была старшей и могла припомнить лучшие времена. – Боже мой! Какими счастливыми и доброжелательными были бы мы, если бы у нас не было забот!

– А на днях ты говорила, что, по твоему мнению, мы гораздо счастливее, чем дети Кингов, несмотря на все их богатство, потому что они только и делают, что ссорятся да дерутся.

– Конечно, Бесс, я это говорила и действительно думаю, что мы счастливее их, пусть даже нам и приходится работать. Ведь зато мы умеем повеселиться, и вообще мы «теплая компания», как сказала бы Джо.

– Джо всегда употребляет такие вульгарные выражения! – заметила Эми, укоризненно взглянув на длинную фигуру, растянувшуюся на коврик.

Джо немедленно села, засунула руки в карманы и засвистела.

– Перестань, Джо, это так по-мальчишески!

– Именно поэтому и свищу.

– Терпеть не могу грубых, невоспитанных девочек!

– Ненавижу жеманных и манерных недотрог!

– «Птички в гнездышке своем все щебечут в лад», – запела Бесс с таким забавным выражением лица, что раздраженные голоса сменились смехом и «птички» на время перестали клевать друг друга.

– Право же, девочки, обе вы заслуживаете порицания, – рассудительно сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. – Ты, Джозефина, уже достаточно взрослая, чтобы отказаться от этих мальчишеских выходок и вести себя как подобает девушке. Твои манеры не имели большого значения, пока ты была маленькой. Однако теперь, когда ты такая высокая и делаешь себе «взрослую» прическу, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец.

– Никакая я не барышня! А если я делаюсь барышней оттого, что укладываю волосы, то уж лучше я буду носить две косы, пока мне не исполнится двадцать! – воскликнула Джо, стянув с волос сетку и встряхивая свою густую каштановую гриву. – Противно даже подумать, что мне придется стать взрослой, называться мисс Марч, носить длинные платья и быть чопорной, как какая-нибудь китайская астра! И так уж скверно быть девчонкой, когда я люблю все мальчишеское: и работу, и игры, и манеры! Мне никак не свыкнуться с тем, что я не мальчик, а теперь даже еще тяжелее, потому что я до смерти хочу пойти в армию и сражаться плечом к плечу с папой, а вместо этого приходится сидеть дома и вязать, словно какая-нибудь сонная старуха! – И Джо так свирепо потрянула синим солдатским носком, что спицы застучали друг о друга, как кастаньеты, а клубок запрыгал по комнате.

– Бедная Джо! Это ужасно, но ничего тут не поделаешь. Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата по отношению к нам, девочкам, – сказала Бесс, глядя всклокоченную голову Джо своей маленькой рукой, прикосновение которой никакая самая тяжелая работа на свете никогда не смогла бы сделать грубым.

– А что касается тебя, Эми, – продолжила Мег, – то ты чересчур привередлива и церемонна. Пока это просто смешно, но если ты не остережешься вовремя, то, когда вырастешь, превратишься в глупую жеманную гусыню. Мне нравится и твоя благовоспитанность, и приятная манера выражаться, но лишь до тех пор, пока ты не начинаешь изощряться. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

– Если Джо – мальчишка-сорванец, а Эми – жеманная гусыня, то, будь добра, скажи, кто же я, – попросила Бесс, готовая выслушать упреки и в свой адрес.

– Ты просто прелесть, вот и все, – ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, потому что Мышка, как называли Бесс, была любимицей всей семьи.

Юные читатели всегда интересуются тем, «как люди выглядят», и потому мы воспользуемся этим моментом, чтобы дать им краткое описание внешности четырех сестер, которые сидели с вязаньем в руках в декабрьские сумерки, когда за окнами тихо падал пушистый снег, а в гостиной весело потрескивал огонь. Это была уютная старая комната; правда, ковер был выцветшим, а мебель очень простой, но зато на стенах висело несколько хороших картин, стеной шкафа был заполнен книгами, на подоконниках цвели хризантемы и маленькие розочки, и все кругом дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестер, было шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими темными волосами, прелестным ртом и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо, очень высокая, худая, смуглая, напоминала жеребенка, так как, казалось, совершенно не знала, что делать со своими длинными руками и ногами, которые всегда ей мешали. У нее был четко очерченный рот, забавный нос и колючие серые глаза, которые, похоже, видели все сразу и смотрели то свирепо, то насмешливо, то задумчиво. Длинные густые волосы были ее единственной красотой, однако обычно она сворачивала их в узел и укладывала в сетку, чтобы не мешали. Джо была сутулой, с большими кистями рук и стопами, к одежде своей относилась равнодушно и беззаботно. В целом она производила впечатление девочки, которая стремительно превращается в женщину и очень этим недовольна. Элизабет – или Бесс, как все ее называли, – была румяная тринадцатилетняя девочка с гладкими волосами и яркими глазами, застенчивая, робкая, с неизменно кротким выражением лица. Отец называл ее «Маленькая Безмятежность», и это имя отлично ей подходило, ибо она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, решаясь покинуть его лишь для встречи с теми немногими, кому доверяла и кого любила. Эми, хоть и младшая, была самой важной особой в семействе – по крайней мере, в ее собственных глазах. Настоящая снегурочка с голубыми глазами, вьющимися золотистыми волосами, спускающимися на плечи, бледная и стройная, она всегда следила за своими манерами, стараясь вести себя как юная леди. Что же касается характеров четырех сестер – выяснение этого вопроса мы оставим на будущее.

Часы пробили шесть, и, выметя золу из камина, Бесс положила перед ним домашние туфли матери, чтобы согреть их. Вид этих старых туфель вызвал у девочек приятные чувства, потому что скоро должна была вернуться мама, и все с радостью готовились встретить ее: Мег перестала отчитывать сестер и зажгла лампу, Эми вылезла из самого удобного кресла, хотя ее даже не просили об этом, Джо забыла о своей усталости и села, чтобы держать мамины туфли поближе к огню.

– Маме нужна новая пара, эти совсем сношенные.

– Я куплю ей на мой доллар, – сказала Бесс.

– Нет, я это сделаю! – закричала Эми.

– Я старшая, – начала Мег, но тут решительно вмешалась Джо:

– Пока папы нет, я в семье за мужчину, и я куплю ей туфли, потому что он, уезжая, велел мне заботиться о ней.

– Слушайте, что я придумала, – сказала Бесс. – Пусть каждая из нас сделает ей какой-нибудь подарок на Рождество, а для себя купить ничего не будем.

– Отлично, дорогая! Как это на тебя похоже! Что же мы купим? – радостно воскликнула Джо.

На минуту все глубоко задумались, затем Мег объявила, так, словно идея была подсказана ей видом ее собственных хорошеньких ручек:

– Я подарю ей пару красивых перчаток.

– Армейские туфли, лучше быть не может! – закричала Джо.

– Несколько носовых платочков, подрубленных и с меткой, – сказала Бесс.

– Я куплю маленькую бутылочку одеколona. Он ей нравится, и к тому же это будет недорого, так что у меня останутся деньги и на карандаши, – добавила Эми.

– А как мы вручим ей подарки? – спросила Мег.

– Положим все на стол, приведем ее и будем смотреть, как она разворачивает свертки, – ответила Джо. – Помните, как это бывало раньше в наши дни рождения?

– Мне всегда было страшно, когда приходил мой черед сидеть в большом кресле с короной на голове и смотреть, как вы все маршируете вокруг и вручаете мне подарки с поцелуями. Меня радовали и подарки, и поцелуи, но было просто ужасно, что вы сидели и глядели на меня, пока я разворачиваю подарки, – сказала Бесс, подрумянивая на огне одновременно и свое лицо, и ломтики хлеба к чаю.

– Пусть мама думает, что мы хотим купить подарки для себя, а потом мы устроим ей сюрприз. За покупками придется пойти завтра после обеда. До Рождества остается совсем немного, а нам еще столько всего нужно подготовить для постановки, – сказала Джо, поглядывая на всех свысока и расхаживая взад и вперед по комнате с заложенными за спину руками.

– Я, наверное, в последний раз принимаю участие в постановке. Я становлюсь слишком взрослой для подобных развлечений, – заметила Мег, которая оставалась сущим ребенком, когда дело доходило до всяких шалостей с переодеванием.

– Ну, я уверена, что, пока есть возможность разгуливать в белом платье с распущенными волосами и носить драгоценности из золотой бумаги, ты от этого не откажешься. Ты лучшая актриса среди нас, и, если ты бросишь сцену, нашему театру придет конец, – сказала Джо. – Давайте прямо сейчас проведем репетицию. Эми, иди сюда, разыграем еще раз сцену, где ты падаешь в обморок, а то у тебя в ней такой вид, словно ты аршин проглотила.

– Что ж я могу поделать? Я никогда не видела, как падают в обморок, а грохаться плашмя, как ты, и становиться от этого сплошь в синяках я не собираюсь. Если я не могу опуститься плавно, то уж лучше мне упасть в кресло, и все будет очень изящно. И пусть даже Гуго подходит ко мне с пистолетом, меня это мало волнует, – возразила Эми, которая не обладала драматическим талантом, но получила роль главной героини, потому что была достаточно маленькой, чтобы злодей в пьесе мог утащить ее за кулисы.

– Сделай так: сцепи руки – вот так – и, шатаясь, отступай и отчаянно кричи: «Родриго! Спаси меня! Спаси!» – И Джо продемонстрировала этот маневр с мелодраматическим воплем, от которого дрожь пробирала до костей.

Эми последовала ее примеру, но при этом выставила вперед совершенно прямые руки и двигалась резкими толчками, словно заведенная, а ее «О-о!» наводило на мысль скорее об уколе булавкой, чем о страхе и душевных муках. У Джо вырвался стон отчаяния, Мег открыто засмеялась, а Бесс, с интересом заглядевшись на происходящее, дала хлебу подгореть.

– Бесполезно! Ладно, сделай что сможешь, когда придет время, но, если публика будет смеяться, меня не вини. Теперь ты, Мег.

Дальше все пошло гладко: дон Педро, отец героини, бросил вызов миру в речи длиной в две страницы, произнесенной не переводя дыхания; волшебница Хейгар пропела ужасные заклинания над кипящим на медленном огне котелком, полным ядовитых жаб, добываясь тем самым сверхъестественного результата; Родриго, главный положительный герой, решительно разорвал в куски свои цепи, а Гуго, главный злодей, умер в мучениях, вызванных мышьяком и угрызениями совести, с леденящим кровью «ха, ха, ха!».

– Это лучшая из всех наших постановок, – сказала Мег, когда мертвый злодей поднялся и сел, потирая ушибленные локти.

– И как это тебе удастся сочинять и ставить такие замечательные пьесы, Джо? Ты настоящий Шекспир! – воскликнула Бесс, которая твердо верила, что все ее сестры обладают чудесными талантами во всех сферах.

– Ну, не совсем, – отвечала Джо скромно. – Я считаю, что моя опера «Проклятие волшебницы» неплохая вещь, но я охотно попыталась бы поставить «Макбета»³, если бы только мы могли устроить на сцене люк для духа Банко. Мне всегда хотелось исполнить роль убийцы. «Кинжал ли вижу пред собою?» – пробормотала Джо, дико вращая глазами и судорожно хватая руками воздух, как это делал какой-то знаменитый трагик, которого она видела однажды в театре.

– Нет, это всего лишь вилка для поджаривания хлеба, а вместо хлеба на ней мамина туфля! – воскликнула Мег, и репетиция закончилась общим взрывом хохота.

– Как это приятно, что я застала вас такими веселыми, девочки мои, – раздался у дверей радостный голос, и актеры и зрители обернулись, чтобы приветствовать высокую женщину с ласковым материнским взглядом и приятным выражением лица, которое, казалось, всегда говорило «Не могу ли я помочь вам?» и было поистине восхитительным. Несмотря на скромную одежду, вид у нее был очень благородный, и девочки считали, что под простым серым плащом и немодной шляпкой скрывается самая замечательная мама на свете.

– Ну, дорогие мои, как вы поживали без меня сегодня? У меня было много работы – мы готовили рождественские посылки, так что я не смогла прийти домой на обед. Кто-нибудь заходил, Бесс? Как твой насморк, Мег? Джо, у тебя такой усталый вид. Поцелуй меня, Эми, крошка.

И с этими материнскими расспросами миссис Марч сняла мокрый плащ и шляпку, надела теплые туфли, села в удобное кресло и привлекла к себе Эми, готовясь провести самые счастливые часы своего полного трудов и забот дня. Девочки засуетились, стараясь – каждая по-своему – сделать все для ее удобства. Мег накрывала на стол, Джо принесла поленья для камина и теперь расставляла стулья, с грохотом роняя и переворачивая все, к чему прикасалась, Бесс тихо и деловито сновала между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все уже сидели за столом, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

– У меня есть чем угостить вас после ужина.

Быстрые, живые улыбки, словно солнечный луч, пробежали по лицам. Бесс сложила руки, забыв о печенье, которое держала, а Джо подбросила вверх свою салфетку с криком:

– Письмо, письмо! Да здравствует папа!

– Да, чудесное длинное письмо. Он здоров и считает, что перенесет холодное время года гораздо лучше, чем мы думали. Он шлет всем нам самые добрые пожелания к Рождеству и отдельно обращается к вам, девочки, – сказала миссис Марч, прикасаясь к своему карману так, словно там лежало сокровище.

---

³ «Макбет» (1606) – трагедия Уильяма Шекспира (1564–1616).

– Быстро доедаем – и все! Хватит тебе, Эми, сгибать мизинчик и жеманиться над тарелкой! – закричала Джо, в спешке заглатывая чай и роняя хлеб маслом вниз на ковер.

Бесс больше не могла есть, она снова скользнула в свой темный уголок и, сидя там, размышляла о предстоящем удовольствии.

Наконец все были готовы.

– Это просто замечательно, что папа отправился на войну капелланом, хотя он уже старше призывного возраста и здоровье у него не такое хорошее, чтобы быть солдатом, – сказала Мег с теплотой.

– Как я хотела бы отправиться на войну барабанщиком или *vivan*...⁴ Как они там называются?.. Или медсестрой, чтобы я могла быть рядом с папой и помогать ему, – простонала Джо.

– Должно быть, очень неприятно спать в палатке, есть всякую невкусную пищу и пить из жестяной кружки, – вздохнула Эми.

– Когда он вернется домой, мама? – спросила Бесс с чуть заметной дрожью в голосе.

– Не скоро, дорогая, если только не заболеет. Он останется там и будет свято исполнять свой долг столько, сколько сможет, и мы не имеем права просить его вернуться ни одной минутой раньше того момента, когда без него смогут обойтись. А теперь садитесь и слушайте.

Все сели поближе к огню: мама – в большом кресле, Бесс – у ее ног, Мег и Эми уселись с двух сторон на ручках кресла, а Джо прислонилась сзади к спинке, чтобы никто не увидел признаков волнения на ее лице, если письмо окажется трогательным. А лишь немногие из писем, написанных в то тяжелое время, не были трогательными, особенно это касалось тех писем, что посылали домой отцы. В этом письме мало говорилось о переносимых изо дня в день трудностях, о грозящих опасностях или упорно заглушаемой тоске по дому. Это было бодрое, полное надежд послание с живыми описаниями солдатской жизни, походов, военных новостей, и лишь в конце обнаруживалось, что сердце автора переполнено отцовской любовью и тоской по оставшимся дома дочкам: «Передай им мою глубокую любовь и поцелуй их за меня. Скажи им, что я думаю о них днем, молюсь за них ночью и черпаю лучшее утешение в мыслях об их любви. Целый год предстоит нам ожидать встречи; это такой долгий срок, но напомни им, что, пока мы ждем, мы можем трудиться, и потому эти тяжелые дни не должны пропасть зря. Я знаю, они помнят все, о чем я говорил им, и будут любящими и заботливыми детьми для тебя, будут честно исполнять свой долг, упорно бороться со своими внутренними врагами и побеждать их так решительно и красиво, что, когда я вернусь к ним, я смогу еще сильнее любить моих маленьких женщин и гордиться ими».

Все вздохнули, когда прозвучал этот отрывок письма. Джо не стыдилась огромной слезы, скатившейся на кончик носа, а Эми не обратила внимания на то, что взъерошивает волосы, когда спрятала лицо на плече у матери и всхлипнула:

– Я такая эгоистка! Но я очень постараюсь стать лучше, так что он, может быть, не разочаруется во мне, когда вернется.

– Мы все будем стараться! – воскликнула Мег. – Я знаю, что слишком много думаю о своей внешности и не люблю работать, но больше этого не будет, насколько это в моих силах.

– Я постараюсь стать той «маленькой женщиной», какой он хочет меня видеть, не буду грубой и необузданной и исполню мой долг здесь, дома, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь в другом месте, – сказала Джо, думая при этом, что владеть собой, оставаясь дома, окажется для нее куда более трудной задачей, чем встретиться лицом к лицу с одним или двумя мятежниками-южанами.

Бесс не сказала ничего, она просто утерла слезы синим солдатским носком и принялась вязать изо всех сил, чтобы, не теряя времени, начать исполнять свой непосредственный долг.

⁴ *Vivandière* – маркитантка (франц.).

В глубине своей кроткой души она давала себе обещание стать такой, какой надеялся встретить ее отец, когда следующий год принесет ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав бодрым голосом:

– Помните, как мы играли в пилигримов, когда вы были маленькими? Как вы радовались, когда я привязывала вам на спину мешочки с лоскутками вместо котомок, давала вам шляпы, палки и бумажные свитки с напутствиями и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Городом Разрушения, на самую крышу, где из разных красивых вещей мы создавали Небесный Город?⁵

– О, как это было замечательно, особенно пробираться мимо львов, сражаться с Аполлионом⁶, проходить через долину злых эльфов! – воскликнула Джо.

– Я очень любила тот момент, когда мы наконец сбрасывали наши котомки и они катились вниз по лестнице, – сказала Мег.

– Мне было приятнее всего, когда мы все выходили на плоскую крышу и среди горшков с цветами и прочих красивых вещей стояли и пели от радости в лучах солнца, – сказала Бесс с улыбкой, словно вновь переживая эти прекрасные мгновения.

– А я помню только, что боялась погреба и темной передней, но зато любила молоко и пирожки, которые мы ели на крыше. Если бы я не была теперь слишком взрослой для таких развлечений, то, пожалуй, поиграла бы снова, – сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских забав в зрелом двенадцатилетнем возрасте.

– Дорогая моя, мы никогда не становимся слишком взрослыми для этой игры, потому что так или иначе играем в нее всю свою жизнь. Наши котомки всегда за спиной, наша дорога перед нами, а стремление к добру и счастью – тот проводник, что ведет нас через множество огорчений и ошибок к душевному покою, который и есть настоящий Небесный Город. А теперь, мои маленькие пилигримы, почему бы вам не начать сначала, только не понарошку, а на самом деле, и посмотрим, как далеко вы доберетесь, прежде чем папа вернется домой.

– Ты это серьезно, мама? А где наши котомки? – спросила Эми, которая была очень прозаичной юной особой.

– Каждая из вас уже сказала, какую ношу ей предстоит нести. И только Бесс промолчала. Я думаю, что у нее такой ноши нет, – заметила миссис Марч.

– У меня она тоже есть. Моя ноша – мытье посуды и вытирание пыли, а еще я завидую девочкам, которые могут играть на хорошем фортепьяно, и боюсь людей.

Ноша Бесс оказалась такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто не сделал этого, не желая ее обидеть.

– Так двинемся в путь, – сказала Мег задумчиво. – Игра в пилигримов – это просто другое название стремления стать лучше. Может быть, игра поможет нам; ведь хотя мы и хотим быть хорошими, это тяжелый труд для нас, и часто мы забываем о намеченных целях и делаем для их достижения меньше, чем могли бы.

– Сегодня вечером мы сидели в Болоте Уньния, а мама пришла и вытащила нас, словно Надежда в книжке⁷. Но нам тоже нужны свитки с напутствиями. Где мы их возьмем? – спросила Джо в восторге от того, что эта игра внесет хоть немного романтики в такую скучную задачу, как исполнение долга.

---

⁵ В основу этой игры лег сюжет религиозно-дидактической поэмы английского писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688) «Путешествие пилигрима» (1678), излагающей историю тяжкого пути Христиана, героя поэмы, к Небесному Городу, куда он отправляется, убедившись, что город, в котором он жил до сих пор – Город Разрушения, – обречен на погибель. Упоминаемые далее Болото Уньния, Прекрасный Дворец, Ярмарка Тщеславия, Долина Унижения – места, куда попадает на своем пути Христиан.

⁶ Аполлион – чудовище, ангел бездны, преграждающий путь Христиану.

⁷ То есть в «Путешествии пилигрима».

– Загляните под подушку в рождественское утро, и вы найдете там свой путеводитель, – отвечала миссис Марч.

Они обсудили этот новый план, пока старая Ханна убирала со стола. Затем были извлечены четыре маленькие рабочие корзинки, и замелькали иголки – девочки подшивали простыни для тети Марч. Это было совсем не интересное занятие, но в тот вечер никто не роптал. Работа спорилась, так как они приняли предложение Джо: разделить каждый из длинных швов на четыре части, назвать их Европа, Азия, Африка и Америка и, делая стежки на каждой из этих частей, беседовать о разных странах этих континентов.

В девять все прекратили работу и, прежде чем отправиться в постель, спели хором несколько песен. Никто, кроме Бесс, не мог извлечь мелодичные звуки из старого фортепьяно; лишь она одна знала, как нежно коснуться пожелтевших клавиш, чтобы звучали под музыку те простые песни, которые они пели. Голос Мег напоминал звуки флейты; она и мать вели маленький хор. Эми стрекотала, как сверчок, а Джо была на седьмом небе от счастья и блуждала там как ей заблагорассудится, вечно умудряясь испортить самую задумчивую мелодию неожиданной трелью или хриплыми низкими звуками. Девочки пели с тех самых пор, как научились говорить, и это вечернее пение стало семейной традицией, ибо мать была прирожденной певицей. Первыми звуками, раздававшимися в доме по утрам, были звуки ее голоса, когда она шла по комнатам, распевая, словно жаворонок, и последнее, что слышалось вечером, были те же радующие душу звуки, ибо девочки так и не стали слишком взрослыми, чтобы отказаться от привычной материнской колыбельной.

Глава 2

Счастливое Рождество

Джо была первой, кто проснулась, когда забрезжил седой рассвет рождественского утра. Ни одного чулка с подарками не висело у камина, и на мгновение она ощутила такое же глубокое разочарование, какое испытала однажды в раннем детстве, когда ее чулок упал, так как был битком набит подарками. Потом она вспомнила об обещании матери, сунула руку под подушку и достала небольшую книжечку в малиновой обложке. Она очень хорошо знала эту книжку, ибо это была прекрасная старая история о замечательной жизни, лучшей из всех когда-либо прожитых на земле, и Джо всей душой почувствовала, что это настоящий путеводитель для каждого пилигрима, отправляющегося в дальний путь. Она разбудила сестру радостным восклицанием «Счастливого Рождества, Мег!» и предложила ей тоже заглянуть под подушку. Оттуда появилась такая же книжка, только в зеленой обложке, с той же самой картинкой внутри и теми же напутственными словами, написанными матерью. Надпись эта делала подарки по-настоящему драгоценными для девочек. Проснувшиеся Бесс и Эми тоже заглянули под подушки и нашли там свои маленькие книжечки – серебристую и голубую, – и теперь все сидели, разглядывая подарки и беседуя, а восток все сильнее разгорался розовым светом приближающегося дня.

Несмотря на некоторую суетность и тщеславие, Маргарет отличалась кротостью и набожностью, чем невольно влияла на сестер, особенно на Джо, которая нежно ее любила и следовала ее советам, так как давались они мягко и с любовью.

– Девочки, – сказала Мег серьезно, переводя взгляд с растрепанной головы рядом с собой на две головки в ночных чепчиках на постели в смежной комнате, – мама хочет, чтобы мы с любовью и вниманием читали эту книгу, и мы должны начать прямо сейчас. Прежде мы добросовестно относились к подобным вещам, но с тех пор как папа ушел в армию и трудности, связанные с войной, выбили нас из колеи, мы многое стали упускать из виду. Вы, конечно, как хотите, но я буду держать свою книжку здесь, на ночном столике, и читать понемногу каждое утро, как только проснусь. Я уверена, что это принесет мне пользу и будет поддерживать меня в течение всего дня.

Затем она открыла свою новую книжку и начала читать. Джо обняла ее и, прижавшись щекой к ее щеке, тоже погрузилась в чтение со спокойным выражением, которое так редко можно было увидеть на ее подвижном лице.

– Какая умница Мег! Давай, Эми, и мы поступим так же. Я помогу тебе, если встретятся трудные слова, а они объяснят нам, если что-то окажется непонятным, – шепнула Бесс под глубоким впечатлением от красивых книжек и примера старших сестер.

– Я рада, что моя – в голубой обложке, – пробормотала Эми.

Затем в комнатах воцарилась тишина, которую нарушал лишь шелест переворачиваемых страниц, а зимнее солнце заглядывало в окна, чтобы в ласковом рождественском приветствии коснуться блестящих волос и серьезных лиц.

– А где же мама? – спросила Мег у Ханны, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки. Ханна жила в семье со времени рождения Мег и считалась скорее другом, чем служанкой.

– Да кто ж ее знает! Приходил тут мальчуган какой-то милостыню просить, вот ваша мамаша и пошла прямо к нему домой, чтоб поглядеть, чем там помочь можно. Не было на свете другой такой женщины, что так раздаривала бы еду да питье, одежду да дрова, – отвечала Ханна.

– Я думаю, она скоро вернется, Ханна, так что все равно грейте булочки и накрывайте на стол, – сказала Мег, выдвигая из-под дивана корзинку, где были спрятаны и ожидали своего

часа подарки, предназначенные для мамы. – А где же подарок Эми? – спросила она, обнаружив, что флакончика с одеколоном в корзинке нет.

– Она только что вытащила свою бутылочку и унесла, чтобы перевязать ленточкой или что-то в этом роде, – ответила Джо, пританцовывая в новеньких туфлях, чтобы немного размять их, прежде чем вручить маме.

– Красивые у меня получились платочки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, – сказала Бесс, с гордостью глядя на не очень ровные буквы, которые стоили ей немалых трудов.

– Вот это да! Она взяла и вышила на них «Мама» вместо «Миссис Марч». Ну и смех! – воскликнула Джо, взяв в руки один из платочков.

– Разве это плохо? Я подумала, что так будет лучше, ведь у Мег те же инициалы – «М. М.», а я хотела, чтобы никто, кроме мамы, не пользовался этими платками, – отозвалась Бесс с обеспокоенным видом.

– Все замечательно, дорогая. Очень хорошая идея, вполне разумная; теперь никто не ошибется. И ей очень понравится, я знаю, – сказала Мег, с неодобрением взглянув на Джо и с улыбкой на Бесс.

– Мама идет! Прячь корзинку, живо! – приказала Джо, когда в передней хлопнула дверь и послышались шаги.

В комнату торопливо вошла Эми; она смутилась, увидев, что все сестры ждут ее.

– Где ты была? И что ты прячешь за спиной? – спросила Мег, удивленная тем, что, судя по капору и плащу, ленивая Эми выходила из дома так рано.

– Только не смейся надо мной, Джо! Я хотела, чтобы никто не узнал раньше времени. Я сбегала и поменяла маленькую бутылочку на большую и отдала за нее *все* свои деньги. И честное слово, я постараюсь больше не быть такой эгоисткой.

С этими словами Эми показала красивый большой флакон, который заменил прежний, дешевый, и выглядела она такой искренней и смиренной в этом маленьком усилии самоотречения, что Мег тут же обняла ее, а Джо объявила «молодцом», в то время как Бесс подбежала к окну и выбрала самую красивую из своих розочек, чтобы украсить ею внушительный флакон.

– Понимаете, мне стало стыдно за мой подарок, после того как сегодня утром мы говорили и читали о том, как быть хорошими. И как только я встала, сразу побежала в магазин. Я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый!

Снова послышался стук парадной двери – и корзинка исчезла под диваном, а девочки поспешили к столу, который уже был накрыт к завтраку.

– Счастливого Рождества, мама! Спасибо за книжки! Мы уже читали их сегодня и будем делать это каждое утро! – закричали они хором.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я очень рада, что вы сразу начали читать, и надеюсь, что будете возвращаться к этой книге снова и снова. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что сказать вам. В одном из домов неподалеку отсюда лежит бедная женщина с новорожденным младенцем. Шестеро ее детишек, съжившись, прижались друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть, потому что у них нет дров. В доме нет никакой еды, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы согласны подарить им на Рождество свой завтрак?

Девочки были голодны более обычного, после того как прождали завтрак целый час, и с минуту все молчали – только минуту, а потом Джо воскликнула с жаром:

– Как хорошо, что ты пришла прежде, чем мы начали есть!

– Можно я пойду с тобой и помогу отнести еду этим бедным детям? – спросила Бесс горячо.

– Я понесу сливки и булочки, – добавила Эми, героически отказываясь от того, что больше всего любила.

Мег уже накрывала горшочек с гречневой кашей и складывала ломтики хлеба в одну большую тарелку.

– Я знала, что вы поступите именно так, – сказала миссис Марч с улыбкой удовлетворения. – Мы пойдем все вместе, и вы поможете мне, а когда вернемся, то позавтракаем хлебом и молоком.

Вскоре все были готовы и двинулись в путь. К счастью, время было раннее и шли они по маленьким улочкам, так что лишь немногие видели их и никто не посмеялся над этой странной процессией.

И вот – жалкая, голая комната с выбитыми стеклами, без огня, лохмотья на постели, больная мать, плачущий младенец и несколько бледных, голодных детей, скорчившихся от холода под одним старым одеялом. Как засияли большие глаза и заулыбались посиневшие губы этих детей, когда девочки вошли в комнату!

– Mein Gott!⁸ Добрые ангелы пришли к нам! – воскликнула бедная женщина, заплакав от радости.

– Ну и ангелы! В капорах и в перчатках! – сказала Джо, и все рассмеялись.

Через несколько минут и в самом деле могло показаться, что за дело взялись добрые духи. Ханна, которая принесла с собой полено, развела огонь, заткнула разбитые стекла старыми шляпами и занавесила собственным плащом. Миссис Марч дала больной чаю и жидкой овсянки и теперь, сидя рядом с ней, утешала ее обещаниями помощи и пеленала младенца с такой нежностью, как если бы он был ее собственным. Тем временем девочки распаковали провизию, усадили детей у огня и кормили их, словно голодных птенцов, смеясь, болтая и пытаясь понять забавно исковерканный английский.

– Das ist gut! Die Engel-Kinder!⁹ – восклицали бедняжки, пока ели и грели свои красные руки у уютно потрескивавшего пламени.

Девочек никогда еще не называли ангелами, и они нашли это очень приятным, особенно Джо, которую считали Санчо¹⁰ с самого ее рождения. И хотя они ничего не ели, это был их самый счастливый завтрак, а когда они ушли, то оставили за собой тепло и уют. И я думаю, что не было в тот день во всем городе четырех более веселых людей, чем эти четыре голодные девочки, которые отказались от завтрака и поели в то рождественское утро лишь хлеба с молоком.

– Вот это и значит любить ближнего больше, чем себя самого, и мне это нравится, – сказала Мег, когда они снова достали из-под дивана корзинку с подарками, пока мать наверху собирала одежду для бедного семейства Хаммель.

Конечно, подарки не являли собой великолепного зрелища, но сколько любви было вложено в эти четыре маленьких свертка и какой праздничный вид придавала столу, на котором они лежали, высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и зелеными веточками петунии!

– Идет! Начинай, Бесс! Открывай дверь, Эми! Да здравствует мама! – вскричала Джо, пританцовывая и подбегая следом за Мег к двери.

Бесс заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мег торжественно провела мать к почетному месту. Миссис Марч была удивлена и тронута. Глаза ее наполнились слезами радости, и она, улыбаясь, рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Туфли были немедленно надеты, новый носовой платочек надушен одеколоном Эми и положен в карман, а о красивых перчатках сказано, что они «ну совсем как раз». Немало было здесь смеха, поцелуев, веселых объяснений – и все это в той простой, уютной, исполненной любви

---

⁸ Мой Бог! (нем.)

⁹ Хорошо! Дети-ангелы! (нем.)

¹⁰ Санчо Панса – верный оруженосец Дон-Кихота, персонаж знаменитого романа Сервантеса (1547–1616).

домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все принялись за работу. Посещение Хаммелей и церемония вручения подарков заняли так много времени, что весь остаток дня пришлось посвятить приготовлениям к вечернему спектаклю. Всё еще слишком юные, чтобы часто посещать театр, и не такие богатые, чтобы позволить себе большие расходы, девочки пускали в ход всю свою изобретательность и – нужда всему научит – сами делали все, что было необходимо для домашних представлений. Некоторые из их изобретений были весьма удачными: гитары из досок для разделки теста; старинные лампы из старомодных масленок, обернутых серебряной бумагой; великолепные платья из старых ситцевых, с пришитыми к ним сверкающими кусочками жестяных консервных банок; доспехи, покрытые вырезанными в форме ромбов кусочками тех же очень полезных жестянок. Мебель обычно использовали не по прямому назначению, а переворачивая ее вверх дном, и большая гостиная оказывалась сценой множества невинных развлечений.

Никакие мальчики к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и всегда с огромным удовлетворением надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актера. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, однажды использованный каким-то художником, писавшим историческую картину, были главными сокровищами Джо и неизменно появлялись на сцене в каждом спектакле.

Ограниченность численного состава группы делала необходимым для двух главных актеров играть по нескольку ролей в каждой постановке, и они, конечно же, заслуживали похвал за тяжкий труд, который принимали на себя, разучивая по три или четыре роли, молниеносно меняя костюмы во время представления и успевая вдобавок управляться с переменной декораций. Это являлось как великолепной тренировкой памяти, так и безобидным развлечением, занимавшим немало часов, которые иначе оказались бы скучными, ничем не заполненными или проведенными в менее благотворных занятиях.

В рождественский вечер около десятка девочек набилось в кровать, изображавшую бельэтаж, и сидело там перед желто-голубым занавесом из мебельного ситца в самом лестном для актеров состоянии нетерпеливого ожидания. За занавесом было немало шорохов и шепота, несколько раз доносилось хихиканье возбужденной Эми, зрители чувствовали запах дыма от керосиновой лампы. Наконец прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображен несколькими комнатными растениями в горшках, куском зеленого сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней виднелась маленькая печь с черным котелком на фоне ярко пылающего огня, над которым склонилась старая волшебница. На сцене было темно, и жар печи произвел великолепное впечатление, особенно потому, что, когда волшебница приподняла крышку, из котелка повалил настоящий пар. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошел Гуго, злодей с черной бородой, позвякивающим мечом на боку, в фетровой шляпе с большими опущенными полями, в широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперед по сцене в большом волнении, он ударил себя по лбу и, не в силах сдерживать неистовую страсть, запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств в крик, произвели глубокое впечатление, и в тот момент, когда он остановился, чтобы перевести дух, зрители бурно зааплодировали. Поклонившись с видом человека, привыкшего к сценическому успеху, Гуго приблизился к пещере и обратился к волшебнице Хейгар с приказом: «Эй, ты, старуха! Выходи! Ты мне нужна!»

Появилась Мег, с длинными седыми волосами из конского хвоста, в красно-черном плаще, с посохом в руке и каббалистическими знаками на плаще. Гуго потребовал у нее одного

зелья, чтобы заставить Зару полюбить его, и другого, чтобы извести Родриго. Хейгар в прекрасной, исполненной драматизма арии пообещала ему то и другое и приступила к вызову духа, способного доставить любовный напиток:

Дух любви, из роз рожденный,
Сладкой вскормленный росой,
Чудной властью наделенный
Над любой людской судьбою.
Я к тебе, о дух, взываю:
Где волшебная вода?
Я тебя с ней ожидаю.
Дух любви, сюда, сюда!

Нежная мелодия отзвучала, и в задней части пещеры появилась маленькая фигура в чем-то белом, со сверкающими крыльями и золотыми волосами, украшенными венком из роз. Взмахнув золотым жезлом, это видение запело:

Из страны сладких грез
Я напиток принес.
Но навек ты запомнить должна:
Для добра одного
Служит сила его,
А иначе иссякнет она.

И, уронив маленькую позолоченную бутылочку к ногам волшебницы, дух исчез. Новая песнь Хейгар вызвала появление другого призрака – на этот раз совсем не привлекательного, ибо из пещеры с шумом появился противный черный чертенок и, прокричав свой ответ, швырнул в Гуго черную бутылочку и исчез с издевательским смехом. Мелодично излив свою благодарность и засунув обе бутылочки за голенища сапог, Гуго удалился, а Хейгар сообщила публике, что в прошлом он убил нескольких ее друзей и поэтому она прокляла его и намерена отомстить, разрушив все его планы. Вслед за этим занавес закрылся, и в перерыве публика отдыхала, ела печенье и обсуждала достоинства оперы.

Довольно долго со сцены доносился стук молотка, но, когда занавес вновь раздвинулся и стало очевидным, какой шедевр плотницкого искусства был возведен за время антракта, никто не посмел жаловаться на задержку. Зрелище было поистине великолепным! До самого потолка поднималась башня, а посередине ее располагалось освещенное лампой окно, в котором из-за белой занавески появилась в прелестном голубовато-серебристом платье Зара, ожидающая Родриго. И он появился – в великолепном наряде, в шляпе с перьями, в красном плаще, с выпущенным на лоб каштановым локоном, с гитарой и, разумеется, в тех же самых сапогах из некрашеной кожи, в которых в первом действии появлялся Гуго. Преклонив колено у подножия башни, он запел чувствительнейшую серенаду. Зара отвечала и, после музыкального диалога, согласилась на побег. И тут произошла самая эффектная сцена спектакля. Родриго извлек из кармана веревочную лестницу, забросил наверх один конец и предложил Заре спуститься. Она робко выскользнула из-за решетки окна, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, когда – увы, бедняжка Зара забыла о своем шлейфе, и он зацепился за окно – башня зашаталась, наклонилась вперед и, упав с грохотом, погребла несчастных влюбленных в развалинах! Раздался всеобщий вопль, над руинами отчаянно задергались ноги в сапогах из некрашеной кожи, а рядом с ними появилась золотистая головка, восклицаящая: «Я тебе говорила! Я тебе говорила!» В этот момент в дело с удивительным присутствием

духа вмешался дон Педро, жестокосердный родитель Зары. Он извлек свою дочь из-под развалин, коротко заметив: «Не смейся! Играй как ни в чем не бывало!», а затем приказал Родриго встать и с гневом и презрением изгнал его из своего королевства. Хотя и явно потрясенный падением башни, Родриго не повиновался величественному старцу и отказался двинуться с места. Своим примером неустрашимый возлюбленный зажег Зару: она также бросила вызов своему суровому родителю, и в результате он отправил обоих в глубочайшее подземелье замка. Явился маленький, толстенький и румяный стражник с цепями и увел влюбленных, имея при этом очень испуганный вид и, очевидно, забыв речь, которую ему надлежало произнести.

Третье действие разворачивалось в одном из залов замка, куда явилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и разделаться с Гуго. Услышав его шаги, она прячется и наблюдает, как он выливает содержимое волшебных бутылочек в два кубка вина и приказывает маленькому робкому слуге: «Снеси то пленникам в темницу и передай, что скоро я приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы что-то сказать ему, а тем временем Хейгар заменяет отравленные кубки на другие, безвредные. Фердинандо, слуга, уносит их, а Хейгар выставляет обратно на стол кубок, в котором находится предназначенный для Родриго яд. Гуго, возжаждавший после долгих трелей, выпивает его, теряет рассудок и после продолжительного сжимания кулаков и топанья ногами падает плашмя и умирает, в то время как Хейгар в арии, исполненной исключительной силы и мелодичности, сообщает ему о том, что она сделала.

Это была по-настоящему захватывающая сцена, хотя некоторые, возможно, сочли, что неожиданно выбившиеся из-под шляпы в огромном количестве густые длинные волосы изрядно испортили впечатление от смерти злодея. Публика громко вызывала Гуго, и он с большим достоинством выходил кланяться, ведя за руку Хейгар, чье пение рассматривалось как самое замечательное в спектакле, более замечательное, чем все остальное, вместе взятое.

Четвертое действие представляло отчаявшегося Родриго на грани самоубийства после сообщения о том, что Зара изменила ему. Но в последний момент, уже приставив кинжал к сердцу, он слышит под окном прелестную песню, из которой узнает, что Зара верна ему, но находится в опасности и что он может спасти ее, если пожелает. В окно брошен ключ, который откроет дверь, и в порыве восторга Родриго рвет свои цепи и бросается вон из темницы, чтобы найти и спасти возлюбленную.

Пятое действие открывалось бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он требует, чтобы она удалилась в монастырь, но она не желает и слышать об этом и, излив трогательные мольбы, готова лишиться чувств, когда врывается Родриго и требует ее руки. Но он беден, и дон Педро отказывает ему. Герои отчаянно кричат и жестикулируют, но никак не могут прийти к согласию, и Родриго уже собирается унести измученную Зару, когда входит робкий слуга с письмом и мешком от Хейгар, которая таинственно исчезла. В письме она объявляет присутствующим, что завещает юной паре несметные богатства, и угрожает обречь на ужасную кончину дону Педро, если он будет противиться их счастью. Мешок развязан, и жестяные деньги сыплются на сцену, пока вся она не начинает блестеть, поражая великолепием. Это окончательно обезоруживает «сурового родителя». Он уступает без звука, все сливаются в радостном хоре, и занавес закрывает влюбленных, опустившихся на колени, чтобы получить благословение дона Педро, в позах, исполненных самой романтической грации.

Последовавшие бурные аплодисменты натолкнулись на неожиданное препятствие, ибо складная кровать, на которой был возведен «бельэтаж», неожиданно закрылась и тем подавила энтузиазм публики. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие не могли говорить от хохота. Едва волнение улеглось, как появилась Ханна с поздравлениями от миссис Марч и приглашением к ужину.

Приглашение явилось приятным сюрпризом даже для актеров, а когда они увидели стол, то переглянулись в изумлении и восторге. Конечно, мама часто старалась устроить для них маленькое угощение, но столь великолепное пиршество, как это, было неслыханным с давно

ушедших в прошлое дней достатка. Здесь было мороженое, и даже двух видов – розовое и белое, торт, фрукты и совершенно умопомрачительные французские конфеты, а в центре стояли четыре больших букета оранжерейных цветов!

Все были поражены и, затаив дыхание, уставились сначала на стол, а затем на миссис Марч, которая, судя по ее виду, необычайно наслаждалась происходящим.

– Кто это сделал? Феи? – спросила Эми.

– Это Санта-Клаус¹¹, – сказала Бесс.

– Это мама! – И Мег улыбнулась самой нежной улыбкой, несмотря на свою седую бороду и лохматые белые брови.

– У тети Марч было хорошее настроение, и она прислала нам этот ужин! – воскликнула неожиданно осененная этой мыслью Джо.

– Не угадали. Это прислал старый мистер Лоренс, – улыбнулась в ответ миссис Марч.

– Мистер Лоренс! Да как это ему такое в голову пришло! Ведь мы его совсем не знаем! – воскликнула Мег.

– Ханна рассказала одному из его слуг о вашем сегодняшнем завтраке. Мистер Лоренс немного странный старик, но то, что он услышал от слуги, ему понравилось. Много лет назад он был знаком с моим отцом и сегодня прислал мне любезную записку, в которой выразил надежду, что я позволю ему проявить дружеские чувства к моим детям и передать им небольшое угощение в честь праздника. Я не могла отказать, и поэтому сегодня у вас будет небольшой вечерний пир, чтобы возместить скудный завтрак.

– Это его внук подал ему такую идею, я точно знаю! Он отличный парень, и я очень хотела бы познакомиться с ним поближе. Похоже, он и сам не прочь с нами подружиться. Только он очень застенчивый, а Мег такая церемонная, что не позволяет мне заговорить с ним, когда мы проходим мимо, – сказала Джо, когда блюда пошли по кругу и мороженое начало исчезать на глазах под восторженные охи и ахи.

– Вы говорите о ваших соседях, которые живут в большом каменном доме, да? – спросила одна из приглашенных. – Моя мама знает старого мистера Лоренса. Она говорит, что он очень гордый и не желает общаться с соседями. И внука своего он держит взаперти и заставляет целыми днями учиться. Мальчик только иногда ездит верхом или гуляет со своим наставником. Мы однажды пригласили его на вечеринку, но он не пришел. Мама говорит, что он очень милый, но он никогда не разговаривает с нами, девочками.

– Когда наша кошка как-то раз убежала в их сад, он принес ее назад, и мы с ним поговорили у забора – про крикет¹² и все такое – и отлично поладили, но как только он увидел, что Мег идет, так сразу ушел. Но я все равно собираюсь познакомиться с ним поближе, потому что ему одиноко и грустно, я в этом уверена, – сказала Джо решительно.

– Мне нравятся его манеры, он выглядит как настоящий юный джентльмен; так что я не возражаю, чтобы вы познакомились с ним, если представится подходящий случай. Он сам принес эти цветы, и я охотно пригласила бы его зайти, если бы точно знала, что происходит тут у вас наверху. У него был такой печальный вид, когда он уходил, слыша звуки веселья, которого явно лишен сам.

– Какое счастье, что ты не пригласила его зайти, мама! – засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. – Но ничего, потом мы поставим другую пьесу, такую, что и он сможет увидеть или даже принять участие в спектакле. Весело будет, правда?

– Я никогда не видела таких цветов! Какие красивые! – Мег разглядывала букеты с большим интересом.

---

¹¹ Рождественский Дед Мороз, приносящий подарки детям.

¹² Крикет – игра на травяном поле, в которой участники двух команд ударами биты по мячу стараются большее число раз загнать его в ворота противника.

– Просто прелесть! Но все же мне милее розы Бесс, – сказала миссис Марч, нюхая уже начинающий вянуть букетик, приколотый к ее платью.

Бесс прижалась к ней и шепнула нежно:

– Как я хотела бы, чтобы можно было послать мой букет папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3

Внук мистера Лоренса

Джо! Джо! Где ты? – кричала Мег с нижней ступеньки чердачной лестницы.

– Здесь! – отозвался сверху хриплый голос, и, взбежав на чердак, Мег нашла там сестру, которая лежала, закутавшись в шерстяной платок, на старом трехном диване возле освещенного солнцем окна, грызла яблоко и заливалась слезами над «Наследником Редклифа»¹³. Чердак был излюбленным убежищем Джо, и сюда она обычно удалялась с полудюжиной яблок и хорошей книжкой, чтобы насладиться тишиной и обществом ручной крысы по прозвищу Скрэбл¹⁴, которая жила поблизости и ничуть не возражала против присутствия Джо. Когда появилась Мег, Скрэбл юркнула в свою норку, а Джо смахнула слезы со щек и приготовилась выслушать новости.

– Такая радость! Только взгляни! Настоящий пригласительный билет! От миссис Гардинер, на завтрашний вечер! – восклицала Мег, размахивая драгоценной бумажкой, а затем с восторгом прочла ее вслух: – «Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину Марч в своем доме на небольшом ужине с танцами по случаю Нового года». Мама согласна нас отпустить – но что мы наденем?

– Что ты спрашиваешь, когда и так знаешь, что мы наденем наши поплиновые платья, потому что других у нас нет, – отвечала Джо с набитым ртом.

– Жаль, что у меня нет шелкового, – вздохнула Мег. – Мама говорит, что, может быть, получу шелковое, когда мне исполнится восемнадцать. Но ждать два года... Это целая вечность!

– Я уверена, что наши поплиновые выглядят ничуть не хуже шелковых и для нас они вполне сойдут. Твое совсем как новое, только вот я забыла, что прожгла свое сзади. Хоть дырка и залатана, здорово заметно. Что же мне делать?

– Тебе придется сидеть смиренно и не поворачиваться спиной, а спереди все в порядке. У меня будет новая лента для волос, мама даст мне надеть свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не такие красивые, как мне хотелось бы.

– Мои испорчены лимонадом, а новых взять негде, так что придется пойти без перчаток, – сказала Джо, которую никогда особенно не волновали ее туалеты.

– Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду, – решительно заявила Мег. – Перчатки даже важнее, чем все остальное. Без перчаток не ходят на танцы, и, если бы ты пошла без перчаток, это было бы таким унижением для меня!

– Но я же все равно не буду танцевать. И вообще, не люблю я бальные танцы. Что за удовольствие семенить под ручку по комнате! Я люблю скакать и выкидывать коленца.

– Ты не можешь просить у мамы новые перчатки: они такие дорогие, а ты такая неаккуратная. Когда ты испортила вторую пару, она сказала, что больше не купит тебе перчаток в эту зиму. Нельзя ли все-таки как-нибудь обойтись этой парой? – спросила Мег с тревогой.

– Я могу зажать их в руке, и никто не увидит, что на них пятна. Это все, что я могу сделать... Нет! Слушай, как мы можем устроиться: каждая наденет одну хорошую, а в руке будет держать одну плохую. Понимаешь?

– У тебя руки больше моих, и ты ужасно растянешь мою перчатку, – начала Мег, для которой перчатки всегда были большим вопросом.

¹³ «Наследник Редклифа» (1853) – повесть английской писательницы Шарлотты Йонг (1823–1901).

¹⁴ От английского слова scrabble – скрестись, царапаться.

– Тогда я пойду без перчаток. И наплевать мне, что скажут люди! – воскликнула Джо, снова взявшись за книгу.

– Хорошо, хорошо, я дам тебе мою! Только не сажай на нее пятен и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не вытаращивайся ни на кого и воздержись от этой своей любимой присказки «Христофор Колумб!»¹⁵, хорошо?

– Не волнуйся за меня. Я постараюсь держаться как можно чопорнее и не попаду ни в какие переделки, если, конечно, смогу. Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег отправилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение, оглядеть свое платье и, счастливо распевая, пришить к нему свою единственную рюшечку из настоящих кружев, пока Джо кончала свою книжку, четыре яблока и возню со Скрэбл.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в качестве камеристок в комнате старших, поглощенных крайне важным делом – приготовлениями к вечеринке. При всей простоте их туалетов было немало беготни вверх и вниз по лестнице, смеха, болтовни, а на некоторое время дом даже наполнился сильным запахом паленых волос. Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала завернутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

– Разве должно так пахнуть? – спросила Бесс, усевшись на спинку кровати.

– Это влага высыхает, – пояснила Джо.

– Какой странный запах! Похоже на паленую курицу, – заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои собственные красивые локоны.

– Ну вот, а теперь я сниму бумажки – и вы увидите пушистое облако мелких колечек, – объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось – обожженные волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила целый ряд маленьких обгоревших комочков на туалетный столик перед своей жертвой.

– О-о-о! Что ты наделала! Все испортила! Как я теперь пойду? О, мои волосы! – причитала Мег, с отчаянием глядя на неровные завитки надо лбом.

– Не везет мне, как всегда! Зря ты меня попросила это сделать. Вечно-то я все испорчу. Ох, как мне жаль! Но щипцы оказались слишком горячими, и вот я такое устроила! – стонала бедная Джо, взирая со слезами раскаяния на лежащие на столе черные блинчики.

– Ничего не испорчено, просто подкрути их и завяжи лентой так, чтобы концы чуть-чуть свисали на лоб, и будет выглядеть как по последней моде. Я видела, так многие девочки носят, – сказала Эми в утешение.

– Так мне и надо за то, что хочу быть элегантной. Лучше бы я оставила свои волосы в покое! – воскликнула Мег с досадой.

– Я тоже так думаю, они были такие гладкие и красивые. Но они скоро снова отрастут, – сказала Бесс, подбегая, чтобы поцеловать и утешить бедную стриженую овечку.

После разнообразных, не столь значительных неудач Мег была наконец готова, и объединенными усилиями всего семейства Джо была облачена в платье, а ее волосы уложены в высокую прическу. Обе выглядели очень хорошо в своих простых платьях: Мег – в серебристо-сером, с кружевной рюшечкой и жемчужной булавкой, с синей бархатной лентой на голове, а Джо – в темно-бордовом, с жестким, почти мужским льняным воротничком и белой хризантемой в качестве единственного украшения. Каждая надела одну хорошую чистую перчатку и держала в руке другую, испачканную, и все сошлись на том, что вид у них был «вполне изящный и непринужденный». Туфли Мег на высоких каблуках были очень тесными и жали, хотя

---

¹⁵ Христофор Колумб (1451–1506) – мореплаватель, считается первооткрывателем Америки.

она и не признавалась в этом, а все девятнадцать шпилек в волосах Джо, казалось, впивались ей прямо в голову, что было не совсем приятно – но, боже мой, будем элегантно или умрем!

– Желая вам весело провести время, дорогие мои! – сказала миссис Марч, когда сестры легкой походкой двинулись по дорожке. – Не ешьте много за ужином и возвращайтесь в одиннадцать, когда я пришлю за вами Ханну. – Ворота уже захлопнулись за ними, но из окна снова донесся голос: – Девочки, девочки! А носовые платки вы не забыли?

– Все в порядке, платки чистые, а у Мег даже надушен одеколоном! – крикнула Джо, добавив со смехом, когда они зашагали дальше: – Мама наверняка спросила бы нас об этом, даже если бы мы выскакивали из дома во время землетрясения.

– Это одна из ее аристократических склонностей. И такая забота вполне обоснованна, так как настоящую леди всегда узнаешь по чистым ботинкам, перчаткам и носовому платку, – отозвалась Мег, у которой было немало собственных маленьких «аристократических склонностей».

– Так не забудь, Джо: постарайся, чтобы никто не видел твое платье сзади. Как мой пояс, в порядке? А волосы *очень* плохо выглядят? – спросила Мег, когда наконец отвернулась от зеркала в гардеробной дома миссис Гардинер после продолжительного прихорашивания.

– Я непременно о чем-нибудь забуду. Как увидишь, что я делаю что-то не то, подмигни мне, ладно? – отозвалась Джо, резко дернув свой воротничок и торопливо поправляя волосы.

– Нет, подмигивать – это не женственно. Я приподниму брови, если что-то не так, или кивну, если все в порядке. А теперь держи спину прямо и делай маленькие шаги. И если тебе кого-нибудь представят, не пожимай ему руку – дамам это не подобает.

– И как ты все это запомнила? Я вот никак не могу. Какая веселая музыка, а?

Они спустились вниз, чувствуя себя несколько неуверенно, так как редко бывали в обществе и даже такая скромная вечеринка, как эта, была для них большим событием. Миссис Гардинер, величавая пожилая дама, любезно приветствовала их и подвела к старшей из своих шести дочерей. Мег была знакома с Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, но Джо, которую мало интересовали девочки и девичья болтовня, стояла в стороне, предусмотрительно повернувшись спиной к стене, и чувствовала себя так же не на месте, как жеребенок в оранжерее. Несколько мальчиков оживленно беседовали о коньках в другом конце зала, и ей очень захотелось подойти и присоединиться к ним, так как коньки были для нее одной из утех жизни. Она телеграфировала о своем желании сестре, но брови Мег взлетели вверх в такой тревоге, что Джо не осмелилась двинуться с места. Никто не заговорил с ней, стоявшие поблизости девочки отходили одна за другой, пока Джо не осталась в одиночестве. Она не могла побродить по залу и развлечься, так как при этом взорам всех открылось бы испорченное полотнище юбки, так что она стояла и довольно печально глядела на окружающих.

Начались танцы. Мег сразу была приглашена, и тесные туфли замелькали так проворно, что никто даже не догадывался о боли, которую их обладательница переносила с улыбкой. Джо увидела, что высокий рыжий юноша приближается к ее уголку, и, испугавшись, как бы он не вздумал пригласить ее, быстро скользнула в задернутую шторой нишу, в надежде, что сможет подглядывать оттуда и спокойно и приятно провести вечер. К несчастью, некто застенчивый уже избрал для себя убежищем эту нишу, и когда штора упала за спиной Джо, она обнаружила, что очутилась лицом к лицу с внуком мистера Лоренса.

– Ох, я не знала, что здесь кто-то есть! – пробормотала Джо, запнувшись и собираясь вылететь так же быстро, как влетела.

Но мальчик засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел при этом несколько встревоженным:

– Ничего страшного, оставайтесь, если хотите.

– Я вам не помешаю?

– Ничуть. Я зашел сюда просто потому, что почти никого здесь не знаю и, понимаете, почувствовал себя как-то неловко сначала.

– Со мной то же самое. Не уходите, пожалуйста, если, конечно, я вам не мешаю.

Мальчик снова сел, молча уставившись на свои лакированные бальные туфли. Наконец Джо сказала, стараясь быть вежливой и побороть смущение:

– Кажется, я имела удовольствие встречать вас прежде. Вы наш сосед, не правда ли?

– Сосед. – Он поднял глаза и засмеялся, ибо церемонные манеры Джо показались ему довольно забавными, когда он вспомнил, как они болтали о крикете у забора в тот день, когда он принес убежавшую кошку.

Джо сразу почувствовала себя непринужденно. Она тоже засмеялась и сказала самым дружеским тоном:

– Мы чудесно провели время за ужином, который вы прислали нам на Рождество.

– Это дедушка прислал.

– Но вы подали ему эту идею, правда?

– А как поживает ваша кошка, мисс Марч? – спросил мальчик, стараясь смотреть серьезно, хотя его черные глаза светились озорством.

– Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо, – отвечала юная леди.

– А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

– Лори Лоренс – какое странное имя!

– Мое настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой.

Поэтому я заставил их называть меня Лори.

– Я тоже терпеть не могу свое имя – такая сентиментальщина! Я хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина. А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

– Я их лупил.

– Я не могу отлупить тетю Марч, так что мне, наверное, придется терпеть и дальше. – И Джо со вздохом покорила судьбе.

– Вы не любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори; судя по его виду, он счел, что это имя ей отлично подходит.

– Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся. А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину, наступлю кому-нибудь на ногу или сделаю еще что-нибудь ужасное, так что я стараюсь держаться подальше от греха и предоставляю Мег одной порхать по залу. А вы танцуете?

– Иногда. Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь еще мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

– За границей! – воскликнула Джо. – О, расскажите! Я так люблю, когда рассказывают о путешествиях.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но заинтересованные вопросы Джо вскоре помогли ему, и он рассказал ей о том, как жил при школе в Веве¹⁶, где мальчики никогда не носили шляп и катались на лодках по озеру, а каникулы проводили, путешествуя пешком по Швейцарии со своими учителями.

– Как бы я хотела там пожить! – воскликнула Джо. – А в Париже вы были?

– Мы провели там всю прошлую зиму.

– И вы умеете говорить по-французски?

– В школе нам не разрешали говорить ни на каком другом языке.

– Скажите что-нибудь! Я могу читать по-французски, но произносить не умею.

---

¹⁶ Веве – городок в Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера.

– Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies?¹⁷ – сказал Лори добродушно.

– Как это у вас здорово выходит! Дайте подумать... Вы сказали «Кто эта молодая девушка в красивых туфлях», да?

– Oui, mademoiselle¹⁸.

– Это моя сестра Маргарет. Вы знали, что это она? Вы думаете, что она красивая?

– Да, она напомнила мне немецких девушек. Она такая приятная, спокойная и прекрасно танцует.

Джо даже зарумянилась от удовольствия, услышав эту похвалу сестре, и постаралась запомнить, чтобы потом повторить Мег. Оба выглядели из-за шторы, критиковали и просто болтали, пока не почувствовали себя как старые добрые знакомые. Застенчивость Лори скоро прошла, так как мальчишеские манеры Джо забавляли его и позволяли ему держаться свободно, а Джо была опять такой же веселой, как всегда, ибо платье ее было забыто и никто не поднимал бровей в знак неудовольствия. Внук мистера Лоренса нравился ей все больше, и она несколько раз внимательно взглянула на него, чтобы суметь потом подробно описать его сестрам. У них не было братьев и было очень мало кузенов, и потому мальчики являлись для них почти неведомыми существами.

«Вьющиеся черные волосы, смуглое лицо, большие черные глаза, правильный нос, ровные зубы, маленькие кисти рук и ступни, выше меня, очень вежливый и вообще славный малый. Интересно, сколько ему лет?»

Вопрос уже вертелся у нее на кончике языка, но она вовремя спохватилась и с необычным для себя тактом попыталась выяснить это окольным путем.

– Вы, вероятно, готовитесь в университет? Я видела, что вы корпите над книжками... о, то есть я хотела сказать, прилежно занимаетесь. – И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, но, казалось, не был обижен и ответил, пожав плечами:

– Через год или два, во всяком случае не раньше, чем мне исполнится семнадцать.

– Вам только пятнадцать? – спросила Джо, которая была уверена, что этому высокому юноше никак не может быть меньше семнадцати.

– Шестнадцать в следующем месяце.

– Как бы я хотела пойти в университет! А вы, похоже, этому не рады.

– Терпеть не могу этих университетов! Или зубрежка, или глупые развлечения. Мне вообще не нравится, как юноши живут в этой стране.

– А как бы вы хотели жить?

– Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.

Джо очень хотелось спросить, чем именно ему нравится заниматься, но его черные брови сдвинулись так сурово, что она предпочла переменить тему и сказала, постукивая ногой в такт:

– Отличная полька! Почему бы вам не пойти потанцевать?

– Только с вами, – ответил он с галантным полупоклоном.

– Не могу. Я обещала Мег, что не буду танцевать, потому что... – здесь Джо запнулась и взглянула на него в нерешительности, не зная, рассмеяться ей или продолжить.

– Почему? – спросил Лори с любопытством.

– Вы никому не скажете?

– Никогда!

– Понимаете, у меня скверная привычка стоять близко к огню, и поэтому я вечно подпаливаю платье, а это даже прожгла, и хотя оно аккуратно зачинено, все равно очень заметно,

¹⁷ Как зовут эту молодую девушку в красивых туфлях? (франц.)

¹⁸ Да, мадемуазель (франц.).

и Мег велела мне сидеть смиренно, чтобы никто не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся; он на мгновение опустил взгляд, и выражение его лица озадачило Джо, когда он очень мягко сказал:

– Не беда, я скажу вам, как мы поступим: здесь рядом длинный зал, и мы можем великолепно потанцевать в конце его, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдёмте.

Джо поблагодарила и охотно пошла, хотя, увидев красивые жемчужно-серые перчатки своего партнера, пожалела, что не обе ее перчатки чистые. Длинный зал был пустым, а полька – великолепной. Лори танцевал очень хорошо и научил Джо новым немецким па, которые привели ее в восторг – столько в них было свободы и живости. Когда музыка умолкла, они сели на ступенях лестницы, чтобы отдышаться. Лори увлеченно рассказывал ей о студенческих фестивалях в Гейдельберге¹⁹, когда в зал в поисках сестры вошла Мег. Она кивнула, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где обнаружила ее на диване, бледную и держащуюся за щиколотку.

– Я вывихнула ногу. Этот глупейший каблук подвернулся, и теперь мне так больно, что я едва могу стоять. Не знаю, как я вообще доберусь до дома, – сказала она, раскачиваясь взад и вперед от боли.

– Я была уверена, что ты повредишь себе ноги в этих дурацких туфлях. Вот несчастье! Но я не знаю, что тут можно сделать, разве только нанять экипаж или остаться здесь на всю ночь, – ответила Джо, нежно растирая ногу сестры.

– Нанять экипаж стоит огромных денег. К тому же, боюсь, нам не найти наемный экипаж, потому что большинство гостей приехали в собственных, а до ближайшей конюшни далеко и послать некого.

– Я сбегаю.

– Нет, ни в коем случае! Уже десятый час, и на улице тьма египетская. Но и здесь я остаться не могу: в доме полно гостей. К Салли приехали несколько подруг. Я отдохну, пока придет Ханна, а потом постараюсь встать.

– Я попрошу Лори, и он сбегает за экипажем, – сказала Джо с чувством облегчения, как только эта отличная идея пришла ей в голову.

– Помилуй, ни в коем случае! И не проси никого, и не говори никому. Дай мне мои галоши, а эти туфли положи к остальным нашим вещам. Я не могу больше танцевать, но, как только ужин кончится, поищи Ханну и, когда она появится, тотчас дай мне знать.

– Все уже идут ужинать. Я лучше останусь с тобой.

– Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, мне с места не сдвинуться.

И Мег откинулась на спинку дивана, старательно закрыв галоши складками платья, а Джо неуверенно направилась на поиски столовой, в которой очутилась лишь после того, как сначала забрела в стенной шкаф с фарфором, а затем распахнула дверь комнаты, где подкреплялся в одиночестве мистер Гардинер. Войдя в столовую, она бросилась к столу и завладела чашкой кофе, которую немедленно расплескала, сделав тем самым переднюю часть своего платья ничуть не лучше задней.

– Ну что я за растяпа! – воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мег.

– Не могу ли я помочь вам? – раздался дружеский голос. Это был Лори с полной чашкой кофе в одной руке и тарелкой мороженого в другой.

– Я хотела отнести что-нибудь Мег, она очень устала... но кто-то толкнул меня... и теперь я в таком отличном виде, – отвечала Джо, в ужасе переводя взгляд с пятна на юбке на перчатку цвета кофе.

---

¹⁹ Гейдельберг – город в Германии, где расположен знаменитый университет; в XIX в. среди студентов этого университета было немало американцев.

– Сочувствую! А я искал кого-нибудь, чтобы предложить вот это. Можно я отнесу это вашей сестре?

– О, спасибо! Я покажу вам, где она сидит. Я не предлагаю отнести сама, потому что боюсь влипнуть в новые неприятности.

Джо указала путь, и Лори, так, словно он давно привык обслуживать дам, принес маленький столик, вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже привередливая Мег объявила его «милым мальчиком». Они приятно провели время за конфетами с девизами²⁰, и игра в «звонок»²¹, которой они занялись вместе с двумя-тремя молодыми людьми, случайно зашедшими в комнату, была в самом разгаре, когда появилась Ханна. Мег забыла о своей ноге и проворно вскочила, но тут же схватилась за руку Джо, вскрикнув от боли.

– Тише! Ничего не говори, – шепнула она, добавив вслух: – Ничего страшного. Просто я слегка подвернула ногу, – и захромала вверх по лестнице, чтобы одеться.

Ханна ворчала, Мег плакала, а Джо была в полной растерянности, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из гардеробной, она сбежала вниз, отыскивала слугу и попросила его найти экипаж. Но, к несчастью, это оказался нанятый на один вечер официант, который не знал, где находились ближайшие конюшни. Джо растерянно озиралась кругом, ища помощи, когда Лори, услышавший ее слова, подошел и предложил экипаж своего дедушки, который, по его словам, был только что прислан за ним.

– Но ведь еще так рано! Вы, наверное, не собирались уезжать, – начала Джо с чувством облегчения, но все же не решаясь принять предложение.

– Я всегда уезжаю рано... всегда, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Это по пути, вы же знаете... и, говорят, идет дождь.

Это обстоятельство оказалось решающим, и, рассказав ему о несчастье, постигшем Мег, Джо с благодарностью приняла предложение и бросилась наверх, чтобы доставить вниз остальную компанию. Ханна, которая боялась дождя, как кошка, не стала возражать, и они покатали в роскошном закрытом экипаже, с ощущением праздничности и комфорта. Чтобы Мег могла расположиться свободно и поднять ногу повыше, Лори сел на козлы, и по пути девочки без стеснения могли обсуждать события этого вечера.

– Я отлично провела время. А ты? – спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

– Да, пока не подвернула ногу. Я понравилась Энни Моффат – это подруга Салли, – и она пригласила меня приехать к ней на недельку, когда у нее будет гостить Салли. Салли собирается к ней весной, когда приедет оперная труппа. Это будет великолепно, если только мама позволит мне поехать, – ответила Мег, оживившись при этой мысли.

– Я видела, как ты танцевала с этим рыжим, от которого я убежала. Он тебе понравился?

– О, очень! И волосы у него совсем не рыжие, а каштановые. Он очень любезный, и я с большим удовольствием танцевала с ним рейдовак²².

– Он выглядел как сумасшедший кузнечик, когда выделывал эти новые па. Мы с Лори просто умирали от смеха. Слышно было?

– Нет, но все равно это очень некрасиво. Что вы делали все это время там, за шторой?

Джо принялась рассказывать о своих приключениях, и к тому времени, когда она закончила, экипаж подкатил к дому. Рассыпавшись в благодарностях, они попрощались и тихонько вошли в дом, надеясь никого не побеспокоить, но, как только дверь их комнаты скрипнула,

---

²⁰ Распространенные в XIX в. конфеты, заворачиваемые в фантик, на внутренней стороне которого был написан стишок, девиз или пословица.

²¹ Игра, участники которой быстро считают вслух по очереди; игрок, чья очередь пришла на счет 7, 14, 21, 28 и т. д., должен издать звук, похожий на звонок или жужжание.

²² Рейдовак – чешский танец.

тут же появились два маленьких ночных чепчика и два сонных, но нетерпеливых голоса воскликнули:

– Расскажите о танцах! Расскажите!

Проявив то, что Мег назвала «ужасной невоспитанностью», Джо ухитрилась припрятать несколько конфет для младших сестер; скоро, выслушав описание самых волнующих событий вечера, они были удовлетворены.

– У меня такое чувство, словно я элегантная юная леди, которая вернулась домой с танцев в своем экипаже и сидит в пеньюаре у зеркала, а вокруг хлопочет горничная, – сказала Мег, обращаясь к Джо, которая только что привязала ей на ногу компресс с арникой²³ и теперь расчесывала ей волосы.

– Я уверена, что мы получаем от танцев ничуть не меньше удовольствия, чем элегантные юные леди, несмотря на наши подпаленные волосы, старые платья, испачканные перчатки и тесные туфли, в которых мы вывихиваем ноги, если у нас хватает глупости их надеть.

И я думаю, что Джо была совершенно права.

---

²³ Лекарственное растение, примочки из которого применяются как болеутоляющее средство при ушибах и растяжении связок.

Глава 4

Ноши пилигримов

– Ах, как трудно снова поднять свою котомку и зашагать дальше, – вздохнула Мег на следующее утро после танцев. Праздники кончились, но неделя отдыха и веселья не прибавила ей желания взяться за работу, которую она никогда не любила.

– Хорошо бы все время было Рождество или Новый год! Вот было бы весело, а? – отвечала Джо, свирепо зевая.

– Тогда мы не радовались бы праздникам так, как радуемся сейчас. Но это так приятно – есть мороженое и получать букеты, ходить на танцы и возвращаться домой в экипаже, и читать, и отдыхать, и не работать. Ведь живут так другие девочки. Я всегда им завидую. Я так люблю роскошь, – сказала Мег, одновременно пытаюсь решить, какое из двух поношенных платьев менее поношенное.

– Ну, нам она недоступна, так что не будем роптать, а просто взвалим на плечи свою ношу и двинемся в утомительный путь так же радостно, как это делает мама. Я думаю, что тетя Марч для меня – настоящий шейх моря из сказок «Тысяча и одна ночь»²⁴, но, может быть, когда я научусь таскать ее на себе, не жалуясь, она свалится или сделается такой легкой, что я перестану ее замечать.

Эта мысль пришлась по вкусу Джо и привела ее в хорошее настроение, но Мег не разве-селилась, ибо ее ноша, представлявшая собой четырех избалованных детей, казалась тяжелее, чем когда-либо. У нее даже не достало духу, чтобы, как обычно, надеть на шею голубую ленточку и уложить волосы в свою самую любимую прическу.

– Какой смысл выглядеть привлекательно, когда никто меня не видит, кроме этих злых карликов, и никому и дела нет, красива я или некрасива? – пробормотала она, резким движением закрывая ящик комода. – Так я и буду убиваться на этой работе до конца моих дней, только изредка позволяя себе развлечься, и сделаюсь старой, некрасивой, угрюмой из-за того, что я бедна и не могу наслаждаться жизнью, как это делают другие девушки. Как это обидно!

И Мег сошла вниз с оскорбленным видом и была совсем не приветливой за завтраком. Да и все остальные, казалось, были не в духе и не прочь поворчать. У Бесс болела голова, и она лежала на диване, пытаясь утешиться обществом кошки и трех котят; Эми злилась, потому что не сделала уроки и не могла найти свои галоши; Джо свистела и роняла все подряд, поднимая невероятный шум; миссис Марч была очень занята: она пыталась закончить письмо, которое необходимо было срочно отправить; а Ханна ходила мрачнее тучи, так как поздно ложиться спать было не в ее привычках.

– Второй такой злощезей семейки не найдешь! – воскликнула Джо, потеряв терпение, после того как опрокинула чернильный прибор, разорвала оба шнурка в ботинках и уселась на свою шляпу.

– А ты в ней самая злощезая! – ответила Эми, смывая совершенно неправильный ответ арифметической задачи слезами, которые капали на ее грифельную дощечку.

– Бесс, если ты не будешь держать своих гадких кошек в подвале, мне придется их утопить! – с гневом воскликнула Мег, безуспешно пытаясь освободиться от котенка, который вскарабкался ей на спину и пристал там как смола, повиснув вне пределов досягаемости.

Джо смеялась, Мег негодовала, Бесс умоляла, Эми подвывала, так как не могла сообразить, сколько будет девятью двенадцать.

---

²⁴ Намек на эпизод из сказок «Тысяча и одна ночь», в котором рассказывается, как Синдбад-мореход долго не мог избавиться от старика, усевшегося ему на плечи.

– Девочки, прошу вас, замолчите хоть на минуту! Мне надо отправить это письмо с утренней почтой, а вы отвлекаете меня своей возней! – воскликнула миссис Марч, зачеркивая уже третье испорченное предложение в своем письме.

Наступило затишье, прерванное лишь Ханной, которая торжественно вошла, поставила на стол два свежеспеченных полукруглых пирожка и так же торжественно удалилась. Для Джо и Мег стало традицией, отправляясь на работу, брать с собой эти пирожки, которые они называли «муфтами», так как настоящих муфт у них не было, а выходить из дома в холодную погоду с горячим свертком в руке было очень приятно. Ханна, как бы занята или сердита она ни была, никогда не забывала испечь эти пирожки, ведь погода была холодной и ветреной, путь неблизким, а бедняжки не получали второго завтрака там, где работали, и редко возвращались домой раньше двух.

– Обнимайся со своими кошками, Бесс, и лечи головную боль. До свидания, мама. Мы были шайкой мерзавок в это утро, но вечером вернемся домой сущими ангелочками. Пошли, Мег! – И Джо зашагала по дорожке, чувствуя, что пилигримы отправляются в путь отнюдь не так, как следовало бы.

Прежде чем свернуть за угол, они всегда оглядывались на родной дом, потому что мама обычно стояла у окна, кивая и улыбаясь, и махала им рукой. Им казалось, что они не смогут прожить предстоящий день без этого прощания, и, в каком бы настроении они ни покидали дом, последнее мимолетное видение ласкового лица матери неизменно действовало на них, словно луч солнца.

– Если бы мама потрясла нам вслед кулаком, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, то и поделом бы нам было, потому что более неблагодарных негодниц, чем мы, свет не видывал! – воскликнула Джо, испытывая мрачное, полное раскаяния удовлетворение от прогулки по снегу на пронизывающем ветру.

– Не употребляй таких ужасных выражений, – отозвалась Мег из глубин своей шали, в которую она закуталась, словно монахиня, смертельно уставшая от мира.

– Я люблю хорошие, сильные слова, которые что-то значат, – возразила Джо, судорожно хватаясь за шляпу, которая подпрыгнула у нее на голове, пытаясь улететь совсем.

– Себя ты можешь называть как хочешь, но я не «мерзавка» и не «негодница» и не желаю, чтобы меня так называли.

– Ты разочарованное существо, а сегодня явно сердита из-за того, что не можешь окружить себя роскошью. Но ничего! Подожди, бедняжка моя, вот сделаю карьеру, и тогда ты будешь наслаждаться экипажами, мороженым, туфлями на высоких каблуках, букетами и рыжими кавалерами для танцев.

– Какая ты смешная, Джо! – Но, посмеявшись над этой нелепой идеей, Мег почувствовала себя лучше.

– И хорошо, что смешная, а то, если бы я напускала на себя хандру и старалась быть такой же угрюмой, как ты, были бы мы сейчас в премилом виде. К счастью, я всегда могу найти что-нибудь смешное, чтобы не падать духом. И ты тоже не ворчи больше, а возвращайся домой веселой и будешь умницей.

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу, и они расстались; каждая зашагала своей дорогой, каждая несла свой теплый пирожок, каждая старалась быть бодрой, несмотря на холодную ветреную погоду, предстоящую неприятную работу и неудовлетворенные желания жаждущей удовольствий юности.

Когда мистер Марч в попытке помочь неудачливому другу лишился своего состояния, старшие дочери попросили, чтобы им было позволено взяться за какую-нибудь работу, которая по меньшей мере обеспечивала бы их содержание. Твердо веря, что никогда не рано развивать в детях энергию, трудолюбие и независимость, родители согласились, и обе девочки взялись за работу, преисполненные рвения, которое, какие бы ни встретились на пути препят-

ствия, непременно ведет к успеху. Маргарет нашла место гувернантки и теперь чувствовала себя богатой, получая скромное жалованье. Как мы уже слышали, она «любила роскошь», и поэтому самым большим несчастьем для нее была бедность, переносить которую ей было труднее, чем остальным, ибо она хорошо помнила то время, когда дом был красивым, жизнь – легкой и полной удовольствий, а нехватки и лишения – чем-то совершенно неизвестным. Она старалась не завидовать и оставаться довольной, однако было вполне естественным, что она, как и любая молоденькая девушка, стремилась к красивым вещам, веселым друзьям, развитию собственных талантов и счастью. В доме Кингов она каждый день наблюдала то, о чем мечтала, ибо старшие сестры ее воспитанников часто выезжали в свет и Мег не раз мельком видела прелестные балльные платья и букеты, слышала оживленные разговоры о театрах, концертах, катаниях на санях и всевозможных развлечениях, видела, как деньги бездумно тратятся на пустяки, которые были бы для нее настоящими драгоценностями. Бедная Мег редко жаловалась, но сознание несправедливости порой вызывало в ее душе ожесточение против всех и каждого, так как она еще не научилась ценить те сокровища, которыми обладала, не сознавая, что им одним под силу сделать жизнь счастливой.

Что же касается Джо, то ей случилось приглянуться тете Марч, которая хромала и нуждалась в присутствии и помощи какого-нибудь энергичного человека. Эта бездетная леди, сразу после того как на семью Марч обрушились несчастья, предлагала удочерить одну из девочек и была очень обижена тем, что ее предложение было отклонено. Друзья предупреждали Марчей, что они потеряют всякую возможность получить что-либо в наследство от своей богатой пожилой родственницы, но эти «не от мира сего» Марчи только сказали в ответ: «Мы не откажемся от наших девочек ни за какие сокровища в мире. В богатстве или в бедности, но мы останемся вместе и найдем свое счастье друг в друге».

Старая леди некоторое время не желала даже разговаривать со своими строптивыми родственниками. Но однажды она случайно встретила Джо у знакомых, и что-то в забавном лице и простодушных манерах девочки пришлось ей по душе. В результате она предложила взять Джо в компаньонки. Такая работа была совсем не по вкусу Джо, но она согласилась, так как ничего лучшего не подвернулось, и, ко всеобщему удивлению, замечательно поладила со своей обидчивой и раздражительной родственницей. Правда, порой бывали и бури, а однажды Джо отправилась домой, заявив, что больше терпеть она не в силах, но тетя Марч была отходчива и послала за ней снова с такой настойчивой просьбой вернуться, что Джо, которой в глубине души нравилась вспыльчивая старая леди, не смогла ей отказать.

Впрочем, я подозреваю, что подлинной приманкой для Джо оказалась отличная большая библиотека, которая после смерти дяди Марча была предоставлена в распоряжение пыли и пауков. Джо хорошо помнила доброго старика, который позволял ей строить дороги и мосты из своих огромных словарей, рассказывал удивительные истории о том, что было изображено на картинках в его латинских книгах, а каждый раз, встречая ее на улице, покупал ей в ближайшей лавке имбирную коврижку. Темная пыльная комната с бюстами, вззирающими с высоких книжных шкафов, удобные кресла, глобусы и, самое главное, целые залежи книг, в которых можно было рыться сколько угодно, превращали библиотеку в настоящий рай в глазах Джо. Стоило тете Марч задремать или заняться очередным гостем, как Джо спешила в это укромное место и, свернувшись калачиком в удобном кресле, пожирала поэзию, романы, исторические книги, описания путешествий и иллюстрированные альбомы, словно настоящий книжный червь. Но это счастье, как и всякое другое, длилось недолго, так как обычно в тот самый момент, когда она добиралась до самого захватывающего эпизода романа, самого прелестного стиха сонета или самого опасного приключения путешественников, до нее доносился пронзительный стар-

ческий голос, взывающий: «Джозе-фина! Джозе-фина!» – и ей приходилось покидать свой рай, чтобы разматывать пряжу, мыть пуделя или часами читать очерки Белшема²⁵.

Мечтой Джо было совершить что-нибудь замечательное; что именно, она пока не имела понятия, но надеялась, что это подскажет ей время. А пока она считала величайшим несчастьем своей жизни то обстоятельство, что не может читать, бегать и скакать верхом столько, сколько ей хочется. Вспыльчивость, острый язык, беспокойный дух вечно навлекали на нее неприятности, и вся ее жизнь представляла собой непрерывную череду взлетов и падений, которые были одновременно и комическими, и трогательными. Но работа в доме тети Марч была именно той жизненной школой, в которой нуждалась Джо, а мысль о том, что она сама зарабатывает себе на жизнь, делала ее счастливой, несмотря на вечное «Джозе-фина!».

Бесс была слишком робкой, чтобы учиться вне дома; ее пытались послать в школу, но она так страдала, что попытки пришлось оставить. Она занималась дома под руководством отца, и даже теперь, когда он ушел на войну, а мать посвятила всю свою энергию и умение деятельности Общества поддержки армии, Бесс продолжала добросовестно учить уроки и старалась изо всех сил. Она была очень хозяйственным маленьким существом, помогала Ханне поддерживать в доме чистоту и порядок и при этом никогда не думала ни о какой иной награде, кроме любви. Долгие спокойные дни проводила она без скуки и праздности, так как ее маленький мир был населен воображаемыми друзьями, а сама она по натуре была трудолюбива как пчелка. У нее было шесть кукол, которых каждое утро нужно было разбудить и одеть, так как Бесс все еще оставалась ребенком и по-прежнему горячо любила своих подопечных. Среди них не было ни одной целой или красивой; когда старшие сестры с возрастом переставали поклоняться этим идолам, Бесс принимала отверженных на свое попечение, ибо Эми не желала иметь ничего старого или некрасивого. Но Бесс лелеяла их всех еще нежнее именно по этой причине и устроила настоящий приют для увечных кукол. Никакие булавки не впивались в их тряпичные тела, никакие резкие слова или удары никогда не обрушивались на них, никакое невнимание со стороны хозяйки никогда не печалило сердце самой уродливой из них – все были одеты и накормлены, окружены заботой и осыпаны ласками с нежностью и любовью, которым не было конца. Одна из таких отверженных представительниц кукольного рода прежде принадлежала Джо и на исходе своей бурной жизни оказалась в плачевном виде в мешке с лоскутками. Из этой мрачной богадельни бедняжка была спасена Бесс и поступила в ее приют. У куклы не было верхней части головы, поэтому Бесс надела на нее аккуратную маленькую шапочку, а отсутствие рук и ног скрыла, завернув ее в одеяло, и предоставила этой неизлечимой больной лучшую из кукольных кроваток. Я думаю, что если бы кто-нибудь узнал о том, какой нежнейшей заботой была окружена эта кукла, это, несомненно, тронуло бы его сердце, пусть даже и вызвало бы улыбку. Она приносила кукле букетики, читала ей вслух, выносила ее подышать свежим воздухом, спрятав под пальто на груди, пела ей колыбельные и никогда не ложилась спать без того, чтобы не поцеловать ее замаранное личико и не шепнуть ласково: «Надеюсь, ты хорошо будешь спать в эту ночь, милая моя бедняжка».

У Бесс, так же как и у остальных, были свои огорчения, и, будучи не ангелом, но обычной девочкой, она часто «поплакивала», как выражалась Джо, из-за того, что не могла брать уроки музыки и играть на хорошем фортепьяно. Она так глубоко любила музыку, так усердно училась, так терпеливо играла гаммы на позвякивающем старом инструменте, что, казалось, кто-то (без всякого намека на тетю Марч) должен был обратить на это внимание и прийти ей на помощь. Никто, однако, не сделал этого, и никто не видел, как Бесс порой вытирала слезы с пожелтевших клавиш, когда из-под ее пальцев раздавались фальшивые звуки. За работой она всегда распевала как птичка, никогда не отказывалась поиграть для матери и сестер и изо

²⁵ Томас Белшем (1750–1829) – английский богослов и проповедник.

дня в день с надеждой повторяла себе: «Я знаю, что получу хорошее фортепьяно, если буду хорошей».

Много есть таких Бесс на свете, робких, тихих, сидящих по своим уголкам и живущих для других так радостно, что никто не замечает их самопожертвования, пока маленький сверчок за печью не перестанет стрекотать и присутствие чего-то милого, солнечного не завершится, оставив за собой лишь тень и молчание.

Если бы кто-нибудь спросил Эми, что досаждал ей в жизни больше всего, она, ни минуты не раздумывая, ответила бы: «Мой нос». Когда она была младенцем, Джо случайно уронила ее в ведро с углем, и Эми упорствовала в том, что это падение навеки испортило ее нос. Он не был ни большим, ни красным, а просто немного приплюснутым, но никакое усердное пощипывание не могло придать ему аристократическую форму. Никто, кроме нее, не обращал на это внимания, и нос очень старался вырасти, но Эми глубоко переживала отсутствие греческого носа и покрывала целые листы бумаги изображениями прекрасных носов, чтобы утешиться.

«Маленький Рафаэль»²⁶, как называли ее сестры, обладала явными способностями к рисованию. Больше всего она любила изображать цветы, придумывать и рисовать фей и иллюстрировать книжки необычными образчиками живописи. Учителя жаловались, что, вместо того чтобы решать задачи, она рисовала на своей грифельной дощечке животных, на чистых страницах ее географического атласа появлялись копии карт, а карикатуры самого смехотворного свойства вылетали из ее учебников в самые неподходящие моменты. Она справлялась с учебной работой как могла и умудрялась избегать замечаний благодаря своему образцовому поведению. Одноклассницы любили ее за спокойный нрав и счастливый дар завоевывать симпатию без усилий, а присущая ей некоторая манерность даже вызывала большое восхищение, так же как и ее разнообразные таланты, включавшие, кроме умения рисовать, еще и умение играть двенадцать разных мелодий на фортепьяно, вышивать тамбуром и читать по-французски с неправильным произношением не более двух третей всех слов. Она имела обыкновение жалобно сообщать: «Когда папа был богат, мы делали то-то и то-то», что было очень трогательно, а ее «умные» слова, которые она так любила употреблять, были, по мнению прочих девочек, «совершенно изысканными».

Эми была на верном пути к тому, чтобы сделаться избалованной, так как все потакали ей и ее мелкое тщеславие и эгоизм росли как на дрожжах. Впрочем, одно обстоятельство все же несколько умеряло ее самомнение: ей приходилось донашивать одежду двоюродной сестры. А так как мама Флоренс не имела ни капли вкуса, то Эми глубоко страдала, надевая красную шляпку вместо синей, некрасивые платья и аляповатые переднички, которые к тому же были не впору. Вся одежда была добротной, хорошо сшитой, мало ношенной, но Эми, с ее художественным вкусом, была в отчаянии, особенно в эту зиму, когда ее школьное платье оказалось мрачного темно-фиолетового цвета в желтую крапинку и без какой бы то ни было отделки.

– Единственное мое утешение, – со слезами на глазах говорила она Мег, – это то, что мама не подгибает подол моего платья в наказание за плохое поведение, как это делает мама Мэри Паркс. Боже мой, это просто ужасно, потому что иногда она так плохо ведет себя, что платье лишь прикрывает колени и она не может пойти в школу. Стоит мне подумать об этой *дискриминации*, как я чувствую, что могу вынести даже свой приплюснутый нос и фиолетовое платье с желтым фейерверком на нем.

Мег была доверенным лицом и наставницей Эми, а Джо по какому-то странному взаимному влечению противоположностей играла ту же роль в отношении кроткой Бесс, которая с одной лишь Джо делилась своими мыслями и которая неосознанно оказывала на свою порывистую сестру гораздо большее влияние, чем кто-либо иной в семье. Старшие девочки были очень привязаны друг к другу, но каждая приняла на себя заботу об одной из младших

²⁶ Рафаэль (1483–1520) – великий итальянский живописец и архитектор.

и опекала ее на свой лад – это называлось у них «играть в мамочку». Тем самым они, повинувшись материнскому инстинкту маленьких женщин, поставили младших сестер на место забытых кукол.

– Расскажите что-нибудь интересное! День был такой ужасный, что теперь мне до смерти хочется отвлечься, – сказала Мег, когда все четверо уехали за шитье в тот вечер.

– У меня сегодня вышла такая забавная история с тетей, и так как в результате я здорово выиграла, то расскажу вам, как это случилось, – начала Джо, которая страстно любила рассказывать. – Я опять читала ей этого бесконечного Белшема и бубнила без всякого выражения. Я так всегда делаю, чтобы она поскорее задремала и можно было достать какую-нибудь хорошую книжку и глотать страницу за страницей, пока она не проснется. Но в этот раз я саму себя чуть не вогнала в сон, и, прежде чем она начала клевать носом, я зевнула во весь рот так, что она спросила меня, не собираюсь ли уж я проглотить всю книгу целиком. «Жаль, что я не могу покончить с ней таким способом», – сказала я, стараясь не показаться дерзкой. Тут она прочитала мне нудную проповедь о моих прегрешениях и велела посидеть и подумать о них, пока она на минуточку «забудется». Но так как ей обычно нужно много времени, чтобы «вспомниться», то, как только ее чепец начал клониться, словно тяжелая далия на тонком стебле, я выхватила из кармана «Векфильдского священника»²⁷ и принялась читать, но одним глазом косила на тетю. Я дошла до того места, где все они свалились в воду, и тут не удержалась и расхохоталась. Тетя проснулась, и так как, подремав, сделалась более добродушной, то велела мне немного почитать вслух, чтобы она могла узнать, какое пустое чтение я предпочитаю достойному и поучительному Белшему. Тут уж я постаралась, и тете явно понравилось, хотя она сказала только: «Не пойму, о чем тут речь. Начни сначала, детка». И я начала с первой главы и постаралась изобразить Примрозов²⁸ как можно интереснее. А один раз я даже остановилась в каком-то захватывающем месте и спросила смиренно, но не без коварства: «Боюсь, это чтение утомляет вас, мэм, может быть, не стоит читать дальше?» Она подхватила вязанье, которое выпало у нее из рук, взглянула на меня сердито через очки и сказала, как всегда, коротко: «Дочитывайте главу, мисс, и не дерзайте».

– Она призналась, что ей понравилось? – спросила Мег.

– Ну что ты, конечно, нет! Но она оставила в покое старика Белшема, а когда я собиралась домой и забежала назад за перчатками, она все сидела и так увлеклась «Векфильдским священником», что не слышала, как я смеялась и отплясывала джигу в передней от радости, что наступают хорошие времена. Какой приятной она могла бы сделать свою жизнь, если бы только захотела! Я не очень ей завидую, несмотря на все ее деньги, потому что, на мой взгляд, у богатых ничуть не меньше огорчений, чем у бедных, – заключила Джо.

– Твои слова напомнили мне, – сказала Мег, – что у меня тоже есть о чем рассказать. Правда, это событие совсем не смешное в отличие от истории Джо, но я думала о нем всю дорогу домой. Сегодня у Кингов все были в волнении, и одна из младших девочек сказала, что старший из их братьев сделал что-то ужасное и отец хочет прогнать его. Я слышала, как миссис Кинг плакала, а мистер Кинг кричал, а Грейс и Элен отвернулись, когда столкнулись со мной в коридоре, чтобы я не увидела, какие у них заплаканные лица. Я ни о чем, разумеется, не спрашивала, но мне было так жаль их, и я была рада, что у меня нет никаких распущенных братьев, которые позорили бы семью гадкими поступками.

– А я думаю, что оказаться опозоренной в школе гораздо мучительнее, чем быть *скомпроментированной* самым гадким поступком распущенного брата, – сказала Эми, покачив головой, как особа, умудренная жизненным опытом. – Сузи Перкинс пришла сегодня в школу с прелестным колечком из красного сердолика. Мне ужасно захотелось такое, и я всей душой

²⁷ «Векфильдский священник» (1766) – роман английского писателя Оливера Голдсмита (1728–1774).

²⁸ Примрозы – семейство героя романа «Векфильдский священник».

жалела, что не могу оказаться на ее месте. А потом она нарисовала на своей дощечке мистера Дэвиса с чудовищным носом и горбом на спине, а изо рта у него выходили слова «Я все вижу!». И мы все смеялись над этой картинкой, когда вдруг оказалось, что он действительно «все видит», и он велел Сузи принести ему ее дощечку. Она была *паррилизována* страхом, но подошла. И что, вы думаете, он сделал? Он взял ее за ухо – за ухо! только вообразите! какой ужас! – вывел на помост у классной доски и велел полчаса стоять там с дощечкой в руках так, чтобы все могли видеть.

– И девочки не смеялись над картинкой? – спросила Джо, с удовольствием слушавшая эту историю.

– Смеялись? Ни одна! Все сидели тихо как мыши, а Сузи все глаза выплакала, я уверена, что выплакала. И я больше ей не завидовала, так как чувствовала, что и миллион сердоликовых колечек не могли бы сделать меня счастливой после такого драматического инцидента. – И Эми продолжила свою работу с гордым сознанием как собственной добродетели, так и успешного произнесения двух трудных слов подряд без запинки.

– А я сегодня утром видела сценку, которая мне очень понравилась. Я собиралась рассказать вам о ней за обедом, но забыла, – сказала Бесс, не отрываясь от своего занятия – она приводила в порядок рабочую корзинку Джо, где все было перевернуто вверх дном. – Ханна послала меня в рыбную лавку за устрицами, а там был в это время мистер Лоренс, но он не видел меня, потому что я стояла за бочкой. Он беседовал с мистером Каттером, хозяином лавки. Вдруг вошла какая-то бедная женщина с ведром и шваброй. Она спросила мистера Каттера, не позволит ли он ей вымыть полы за кусочек рыбы, потому что у нее нет обеда для детей и она не смогла найти сегодня никакой другой работы. Мистер Каттер был очень занят и ответил «нет» довольно сердито. Она уже собралась уходить, и вид у нее был голодный и печальный, когда мистер Лоренс подцепил загнутым концом своей трости большую рыбу и подал ей. Она так обрадовалась и удивилась, что схватила ее обеими руками и принялась без конца благодарить его. А он велел ей пойти и сварить рыбу, и она торопливо ушла, такая счастливая! Как он замечательно поступил! И как смешно она прижимала к себе большую скользкую рыбу и желала мистеру Лоренсу «покойной постели» в небесах.

Отсмеявшись, девочки попросили мать тоже рассказать что-нибудь, и после минутного раздумья она начала очень серьезно:

– Сегодня я кроила синие фланелевые куртки и, работая, все время думала о папе и о том, как одиноки и беспомощны окажемся мы, если с ним что-нибудь случится. Конечно, это было неразумно, но я продолжала думать и волноваться, пока не пришел старик с запиской, по которой он должен был получить одежду. Он сел рядом со мной, и я заговорила с ним, потому что он показался мне бедным, усталым, встревоженным. «У вас сын в армии?» – спросила я, потому что записка, которую он принес, была адресована не мне и я не знала, что там написано. «Да, мэм. Было четверо, но двое убиты, один – в плену, а я еду к четвертому, который тяжело ранен и лежит в госпитале в Вашингтоне», – ответил он спокойно. «Как много вы отдали стране, сэр», – сказала я, чувствуя уже не жалость, а уважение. «Ни крупницей больше, чем был должен, мэм. Я пошел бы и сам, если б от меня мог быть какой-то прок; а так как я не иду, я отдаю моих мальчиков, и отдаю их, ничего не требуя взамен». Он говорил так страстно, смотрел так искренне и, казалось, был так рад отдать все самое дорогое для него, что мне стало стыдно за себя. Я отдала стране лишь одного человека и думала, что это много, а он отдал четверых и не жалел об этом. У меня дома четыре дочки, в которых я могу найти свое утешение, а его последний сын где-то за много миль отсюда ждет его, чтобы, быть может, только сказать последнее прости! И, думая о дарованных мне благах, я почувствовала себя такой богатой, такой счастливой, что вручила ему большую посылку, дала денег и сердечно поблагодарила за урок, который он преподавал мне.

– Расскажи еще что-нибудь, мама, и тоже с моралью. Я люблю потом размышлять о твоих историях, если они настоящие и не слишком нравоучительные, – сказала Джо после минутного молчания.

Миссис Марч много лет рассказывала разные истории этой маленькой компании слушателей и знала, как угодить им. Она улыбнулась и начала так:

– Жили-были четыре девочки, у которых было вполне достаточно еды, питья и одежды, немало удовольствий и развлечений, добрые друзья и любящие родители, и все же эти девочки не были довольны. – Здесь слушательницы украдкой обменялись лукавыми взглядами и начали шить прилежнее. – Эти девочки очень хотели быть хорошими и принимали немало похвальных решений, но не слишком твердо их придерживались. Они постоянно говорили: «Вот если бы у нас было это» или «Вот если бы у нас было то», совершенно забывая, как много всего уже имеют и как много удовольствий им доступно. Однажды они спросили одну добрую старушку, какое волшебство могло бы сделать их счастливыми, и та ответила им: «Когда вы чувствуете, что недовольны своей судьбой, вспоминайте о дарованных вам радостях и будьте благодарны». (Здесь Джо быстро подняла глаза, словно хотела заговорить, но раздумала, видя, что рассказ не окончен.) Девочки были разумными и решили последовать совету старушки. Вскоре они с удивлением увидели, что все пошло замечательно. Одна из них обнаружила, что никакие деньги не могут уберечь дома богачей от позора и горя; другая узнала, что хотя она и бедна, но все же гораздо счастливее со своей юностью, здоровьем и бодростью, чем некая раздражительная и немощная старая леди, которая не может наслаждаться окружающими ее удобствами; третья поняла, что хоть и неприятно помогать готовить обед, но еще тяжелее, когда приходится выпрашивать его, а четвертая увидела, что даже сердоликовое кольцо не так ценно, как хорошее поведение. Так что все девочки согласились перестать жаловаться. Они решили радоваться тем сокровищам, какими уже обладали, и стараться быть достойными их, чтобы Провидение не отняло их, вместо того чтобы умножить. И я точно знаю: эти девочки ни разу не пожалели, что последовали совету доброй старушки.

– Но, мама, это нечестно! Обратить против нас наши же истории и прочесть поучение вместо сказки! – воскликнула Мег.

– Мне нравятся такие поучения. Такие мы и от папы слышали, – заметила Бесс задумчиво, ровно втыкая иголки в подушечку Джо.

– Я жалею меньше других, и я буду еще более осмотрительной впредь, так как трагедия Сузи послужила мне предостережением, – сказала Эми с добродетельным видом.

– Нам был нужен этот урок, и мы его не забудем. Ну а если забудем, ты просто скажи нам, как старая Хлоя в «Хижине дяди Тома»²⁹: «Думайте о ваших благах, дети! Думайте о ваших благах!» – добавила Джо, которая, хоть убей, не могла удержаться и не обратить в шутку эту маленькую проповедь, хотя приняла ее смысл так же близко к сердцу, как и остальные.

---

²⁹ «Хижина дяди Тома» (1852) – роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896).

Глава 5

По-соседски

Джо, скажи на милость, куда это ты отправляешься? – спросила Мег однажды холодным снежным днем, когда после обеда сестра в резиновых ботах, старом пальто и капоре, с метлой в одной руке и лопатой в другой, громко топая, прошла через переднюю.

– Иду на улицу размяться, – ответила Джо, задорно сверкнув глазами.

– Мне кажется, что двух долгих прогулок, на работу и обратно, вполне достаточно для одного дня! Оставайся лучше, как я, дома, у камина. Здесь тепло и сухо, а на дворе сыро, холодно, мрачно, – сказала Мег с содроганием.

– Выслушай совет и поступи по-своему! Не могу сидеть неподвижно целый день – я не кошка, чтобы дремать у огня. Я люблю приключения и собираюсь их поискать.

Мег вернулась греть ноги у камина и читать «Айвенго»³⁰, а Джо с огромной энергией принялась расчищать дорожки возле дома. Снег был легким, и, решительно орудуя метлой, она вскоре расчистила дорожку вокруг сада, чтобы Бесс могла прогуляться по ней, когда выйдет солнце, а увечным куклам будет необходимо подышать свежим воздухом. Сад отделял дом Марчей от дома мистера Лоренса. Дома стояли на окраине большого города, напоминая своей своими рощами и лужайками, большими садами и тихими улочками сельскую местность. Низкая живая изгородь разделяла владения соседей. С одной стороны от нее стоял старый, потемневший от времени дом Марчей, который в зимнюю пору, когда побеги плюща не закрывали его стен, а под окнами не было цветов, казался голым и запущенным. По другую сторону изгороди располагался величественный каменный особняк, где все – от большого каретного сарая и ухоженных газонов до оранжереи и видневшихся между богатыми занавесями в окнах красивых предметов обстановки – говорило о всевозможных удобствах и роскоши. И все же этот великолепный дом выглядел унылым и безжизненным: на лужайках не резвились дети, не улыбалось в окне материнское лицо, и очень мало людей, кроме старого мистера Лоренса и его внука, входило в дом и выходило из него.

Для Джо, обладавшей живой фантазией, этот прекрасный особняк был чем-то вроде заколдованного дворца, полного сокровищ и источников наслаждения, которыми никто не пользовался. Она давно мечтала увидеть это скрытое от посторонних глаз великолепие и поближе познакомиться с «внуком мистера Лоренса», который, казалось, и сам был не прочь завести знакомство с соседками, но только не знал, с чего начать. После памятной вечеринки с танцами желание Джо стало еще сильнее, чем прежде, и она придумывала все новые способы подружиться с соседом; но в последние недели его совсем не было видно, и Джо уже начала бояться, что он уехал, когда однажды высмотрела в одном из окон второго этажа смуглое лицо со взглядом, печально устремленным в их сад, где Бесс и Эми играли в снежки.

«Этот мальчик страдает без друзей и развлечений, – сказала она себе. – Его дедушка просто не понимает, что полезно для внука, и держит его взаперти, а ему нужна компания веселых мальчишек, с которыми можно поиграть, или хотя бы присутствие кого-нибудь молодого и веселого. И я твердо намерена когда-нибудь пойти и высказать мое мнение этому старому господину!»

Идея захватила Джо, которая любила дерзкие, смелые поступки и своим необычным поведением неизменно приводила в ужас благоразумную Мег. Намерение «пойти и высказать» не было забыто, и в этот снежный день Джо решила предпринять первую попытку. Она увидела, как отъехал от дома в экипаже мистер Лоренс, и вышла в сад, чтобы расчистить себе

³⁰ «Айвенго» (1820) – роман английского писателя и поэта Вальтера Скотта (1771–1832).

путь к изгороди. Там она остановилась и окинула взглядом особняк. Все тихо – шторы в окнах нижнего этажа спущены, слуг не видно, и ни следа человеческого присутствия, кроме кудрявой черной головы, опущенной на худую руку, в окне второго этажа.

«Это он, – подумала Джо. – Бедняга! Совсем один и больной в такой мрачный день. Нехорошо! Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу ему доброе слово».

Горсть мягкого снега взлетела к окну – кудрявая голова мгновенно обернулась, и показалось лицо, сразу утратившее равнодушное выражение: большие глаза оживились, а губы растянулись в улыбке. Джо кивнула, засмеялась и, помахав метлой, закричала:

– Как поживаешь? Болееешь?

Лори открыл окно и прокаркал хрипло, словно ворон:

– Уже лучше, спасибо. Сильно простудился, сидел дома целую неделю.

– Сочувствую. А как развлекаешься?

– Никак. Тоскливо тут, как в могиле.

– Читаешь?

– Немного. Мне не позволяют.

– И некому почитать тебе вслух?

– Дедушка читает иногда, но мои книжки ему неинтересны, а все время обращаться с просьбами к мистеру Бруку мне не хочется.

– Тогда позови кого-нибудь в гости.

– Здесь нет никого, кого мне хотелось бы видеть. Мальчишки вечно поднимают ужасный гвалт, а я все еще чувствую слабость.

– А разве нет какой-нибудь славной девчонки, которая могла бы прийти, чтобы почитать вслух и развлечь тебя? Девочки обычно тихие и милые. Они любят играть в сиделок.

– Да я ни одной не знаю.

– Ты знаешь нас, – начала было Джо, но тут же рассмеялась и умолкла.

– В самом деле! Приходи, пожалуйста! – крикнул Лори.

– Я, конечно, не тихая и не милая, но я приду, если мама позволит. Сейчас спрошу у нее. Будь умницей, закрой окно и жди, пока я приду.

С этими словами Джо забросила метлу на плечо и зашагала к своему дому, думая о том, что скажут мать и сестры.

Мысль о возможности обрести новое общество привела Лори в приятное возбуждение, и он носился по комнате в последних приготовлениях к ожидаемому визиту. Как справедливо отметила миссис Марч, он был настоящий юный джентльмен и поэтому в знак уважения к гостю причесал свою взлохмаченную кудрявую голову, надел свежий воротничок и попытался прибрать в комнате, которая, несмотря на присутствие в доме полудюжины слуг, была отнюдь не опрятной.

Наконец послышался громкий звонок, а затем решительный голос, спросивший мистера Лори, и удивленный слуга бегом поднялся по лестнице, чтобы объявить о визите молодой леди.

– Отлично, проведите ее сюда, это мисс Джо, – сказал Лори, подходя к двери своей маленькой гостиной, чтобы встретить гостью, которая вскоре появилась – румяная, веселая, совершенно непринужденная; в одной руке она держала накрытое блюдо, а на другой висели трое котят Бесс.

– Вот и я, со всеми пожитками, – заговорила она оживленно. – Мама велела передать привет и сказала, что будет рада, если я чем-нибудь смогу помочь тебе. Мег захотела, чтобы я отнесла тебе ее бланманже, оно у нее неплохо получается, а Бесс решила, что ее котята принесут тебе облегчение. Я знала, что ты над этим посмеешься, но не смогла отказать – она так хотела что-нибудь сделать для тебя.

Забавная посылка Бесс оказалась наилучшим средством для завязывания знакомства: посмеявшись над котятами, Лори забыл свою застенчивость и сразу стал общительным.

– Пожалуй, это слишком красиво, чтобы есть, – сказал он, довольно улыбаясь, когда Джо открыла блюдо и показала ему бланманже, окруженное гирляндой зеленых листиков и алых цветов любимой герани Эми.

– Ничего особенного, просто у всех были самые дружеские чувства и все хотели это показать. Скажи горничной, пусть унесет и оставит это тебе к чаю. Бланманже не тяжелое для желудка, так что и больным его есть можно, и к тому же оно мягкое – запросто проскочит и не повредит твоему больному горлу... Какая уютная комната!

– Была бы уютной, если бы здесь убрали как следует, но горничные ничего не хотят делать, а я не знаю, как заставить их следить за порядком. Хотя это меня не очень волнует.

– Я в две минуты все исправлю; нужно только вынести из камина... вот так... поставить все ровно на каминной полке... так... книжки положить сюда, а бутылочки с лекарствами сюда... твой диван отвернуть от света, а подушки немного взбить. Ну вот, все в порядке.

Так оно и было: не переставая говорить и смеяться, Джо быстро рассовала вещи по местам, чем придала комнате совершенно новый вид. Лори наблюдал за ее действиями в почтительном молчании, а когда она указала ему на диван, он сел со вздохом удовлетворения и сказал с благодарностью в голосе:

– Ты очень добра! Спасибо. Это именно то, что было нужно сделать в этой комнате. А теперь, пожалуйста, садись в то большое кресло и позволь мне как хозяину чем-нибудь развлечь мою гостью.

– Ну нет, это я пришла развлечь тебя. Хочешь, почитаю вслух? – И Джо бросила нежный взгляд на несколько заманчивых книжек, лежавших поблизости.

– Спасибо! Я уже все их читал, и, если ты не против, давай лучше поболтаем, – ответил Лори.

– Я ничуть не против. Я могу болтать весь день, если только меня завести. Бесс говорит, что я не знаю, где остановиться.

– Бесс – это та румяная, которая все время дома и только иногда выходит с маленькой корзинкой? – с любопытством спросил Лори.

– Да, это Бесс. Она моя девочка, и очень славная к тому же.

– Красивая – это Мег, а кудрявая – Эми, кажется, так?

– Как ты узнал?

Лори покраснел, но ответил совершенно честно:

– Видишь ли, я часто сижу здесь наверху в одиночестве и слышу, как вы зовете друг друга, и не могу удержаться, чтобы не смотреть на ваш дом. Вы, кажется, всегда так весело проводите время. Я должен попросить прощения за дерзость, но иногда вы забываете опустить шторы в окне, где растут цветы, и, когда лампы зажжены, словно смотришь на картину: камин и все вы вокруг стола с вашей мамой; ее лицо прямо напротив, и оно такое милое в окружении цветов, что я не могу не смотреть. Понимаешь, у меня нет мамы. – И Лори помешал кочергой в камине, чтобы скрыть невольную дрожь губ, с которой не мог справиться.

Унылый, страдальческий взгляд его черных глаз проник прямо в отзывчивое сердце Джо. Ее так просто воспитывали, что в пятнадцать лет она была бесхитростной и простодушной как дитя. Лори был болен и одинок, и, чувствуя себя богатой домашней любовью и счастьем, она с готовностью попыталась поделиться с ним этими сокровищами. Выражение ее лица было самым дружеским, а резкий голос приобрел необычную мягкость, когда она сказала:

– Мы больше не будем занавешивать это окно, и можешь смотреть сколько хочешь. Только лучше бы ты пришел к нам в гости, вместо того чтобы подглядывать. Мама – просто прелесть, и тебе было бы очень полезно познакомиться с ней. А Бесс спела бы для тебя, если бы я ее попросила, а Эми станцевала бы. А мы с Мег показали бы тебе наш забавный театральный реквизит и декорации, и все вместе отлично провели бы время. Как ты думаешь, твой дедушка отпустит тебя?

– Думаю, что да, если твоя мама попросит его об этом. Он очень добрый, хоть и суровый на вид; он часто позволяет мне делать то, что я хочу, но только боится, что я могу причинить много хлопот чужим людям, – начал Лори, все больше оживляясь.

– Мы не чужие, а соседи, и даже не думай, будто причинишь нам какие-то хлопоты. Мы сами очень хотим подружиться с тобой, и я давно пыталась завязать знакомство. Мы живем здесь не так давно, но уже знаем всех соседей, кроме вас.

– Понимаешь, дедушка живет среди своих книг, его не очень волнует, что происходит вокруг. Мистер Брук, мой учитель, не живет в нашем доме постоянно, так что мне часто не с кем погулять и я остаюсь дома и развлекаюсь как могу.

– Очень плохо. Тебе надо бы сделать усилие над собой и начать ходить всюду, куда тебя приглашают. Тогда у тебя будет много друзей, и в их домах ты сможешь приятно провести время. Ничего, что ты застенчивый. Это скоро пройдет, когда ты начнешь ходить в гости.

Лори снова покраснел, но не обиделся на это обвинение в застенчивости. В тоне Джо было столько доброжелательности, что было невозможно превратно истолковать ее откровенные речи.

– Тебе нравится школа, где ты учишься? – спросил мальчик, меняя тему разговора, после небольшой паузы, во время которой он неотрывно смотрел на огонь, а Джо с большим удовольствием разглядывала комнату.

– Я не хожу в школу – я работаю. Ухаживаю за моей двоюродной бабушкой и должна признаться, что старушка она пресердитая, – отвечала Джо.

Лори раскрыл было рот, чтобы задать новый вопрос, но, вовремя вспомнив, что неприлично слишком интересоваться чужими делами, снова закрыл его с неловким видом. Джо оценила его тактичность, но была не прочь посмеяться над тетей Марч и живо описала ему суетливую старую леди, ее жирного пуделя, попугая, говорящего по-испански, и библиотеку, где она, Джо, наслаждается отличными книгами. Все это необыкновенно позабавило Лори, а когда она рассказала о том, как однажды к тете Марч приходил свататься некий церемонный старый господин и как, к его великому ужасу, во время его изысканнейшей речи попугай сорвал с бедняги парик, мальчик упал на диван и хохотал до слез – так, что горничная заглянула в дверь, чтобы посмотреть, в чем дело.

– О! Мне невероятно полезно посмеяться. Пожалуйста, расскажи еще! – воскликнул он, отрывая лицо от диванной подушки, красный и сияющий улыбкой.

Окрыленная успехом, Джо «рассказала еще» – об их пьесах и планах, надеждах и опасениях за отца, о самых интересных событиях маленького мира, в котором жили четыре сестры. Потом разговор зашел о книгах, и, к своему восторгу, Джо обнаружила, что Лори тоже любит читать и прочел даже больше, чем она.

– Если ты так любишь книги, пойдем вниз, и ты увидишь нашу библиотеку. Дедушки нет, так что тебе нечего бояться, – сказал Лори, вставая.

– Я ничего не боюсь, – ответила Джо, встряхнув головой.

– Да уж вижу! – воскликнул мальчик, глядя на нее с восхищением, хотя в глубине души был уверен, что у Джо, несомненно, появились бы веские основания немного побаиваться старого мистера Лоренса, если бы она встретила его, когда тот был не в духе.

Во всем доме было тепло, как летом; Лори вел Джо из комнаты в комнату, позволяя ей останавливаться и разглядывать все, что поражало ее воображение, и так наконец они добрались до библиотеки, где Джо сцепила руки и затанцевала, что она делала всегда, когда приходила в особенный восторг. Вдоль стен тянулись огромные книжные шкафы, здесь были и картины, и статуи, и вызывающие любопытство маленькие шкафчики с монетами и антикварными вещами, и удобные глубокие кресла, и забавные столики, и бронзовые канделябры, и – самое великолепное – открытый очаг, выложенный затейливыми изразцами.

– Какая роскошь! – вздохнула Джо, ныряя в глубины бархатного кресла и оглядываясь кругом с видом огромного удовлетворения. Потом добавила: – Теодор Лоренс, вы, должно быть, самый счастливый мальчик на свете!

– Человек не может жить одними книгами, – сказал Лори, покачивая головой, и взгромоздился на стол напротив Джо.

Это было все, что он успел сказать. Зазвонил колокольчик, и Джо вскочила, воскликнув с тревогой:

– Боже мой! Это твой дедушка!

– Ну так что же? Ведь ты ничего не боишься, – возразил мальчик, лукаво взглянув на нее.

– Похоже, я все-таки немного боюсь его, хотя не знаю почему. Мама разрешила мне прийти, и я думаю, что тебе от этого не было вреда, – сказала Джо, овладев собой, хотя и продолжала с беспокойством поглядывать на дверь.

– Мне это даже очень полезно, и я тебе от души признателен. Боюсь только, ты устала от наших долгих разговоров, но мне было так приятно, что хотелось говорить и слушать без конца, – сказал Лори с благодарностью.

– К вам доктор, – сказала горничная, поманив Лори рукой.

– Извини, но мне придется покинуть тебя на минутку. Я думаю, что должен выйти к нему, – сказал Лори.

– Не волнуйся за меня. В таком месте я скучать не буду, – отвечала Джо.

Лори вышел, а его гостя приятно провела время в обществе книг и картин. В тот момент, когда дверь снова открылась, Джо стояла перед великолепным портретом старого мистера Лоренса. Не оборачиваясь, она решительно заявила:

– Теперь я уверена, что мне нечего бояться твоего дедушки. У него добрые глаза, хотя рот очень суровый и, судя по его виду, воля у него громадная. Он не такой красивый, как *мой* дедушка, но очень мне нравится.

– Спасибо, мэм, – раздался у нее за спиной грубоватый голос. Она обернулась и, к своему великому ужасу, увидела стоящего в дверях старого мистера Лоренса.

Бедная Джо покраснела так, что покраснеть сильнее было уже невозможно, и сердце ее забило неприятно быстро, когда она подумала о том, что сказала. На мгновение ее охватило отчаянное желание убежать, но это было бы трусостью и сестры дома стали бы смеяться над ней; поэтому она решила остаться и постараться выбраться из этой неприятной ситуации. Взглянув внимательнее, она увидела, что живые глаза под лохматыми седыми бровями были еще более добрыми, чем на портрете, и был в них лукавый огонек, который значительно умерил ее страхи. Но грубый голос звучал еще грубее, чем прежде, когда после пугающей паузы старик сказал резко:

– Значит, вы не боитесь меня, мисс, так?

– Не очень, сэр.

– И думаете, что я не такой красивый, как ваш дедушка?

– Не совсем, сэр.

– И у меня громадная воля, так?

– Я только сказала, что я так думаю.

– Но я вам нравлюсь, несмотря на все это?

– Да, сэр.

Ответ доставил удовольствие старику, он коротко рассмеялся, пожал ей руку, а потом, чуть приподняв пальцем ее подбородок, серьезно взглянул ей в лицо и опустил руку, сказав с легким кивком:

– У тебя характер твоего дедушки, хоть лицом ты на него не похожа. Он был замечательным человеком, дорогая моя, и что еще важнее – он был храбрым и честным, и я горжусь, что был его другом.

– Спасибо, сэр. – Теперь Джо чувствовала себя уверенно, так как сказанное стариком совпадало с ее собственным мнением.

– А что ты делала здесь, у моего мальчишки, а? – прозвучал следующий резко поставленный вопрос.

– Просто пыталась поступить по-соседски. – И Джо рассказала о том, что привело к ее визиту.

– Значит, ты считаешь, что его надо немного подбодрить и развлечь?

– Да, сэр. Мне кажется, что ему одиноко и общество ровесников принесло бы ему пользу. Конечно, мы не мальчишки, а девочки, но были бы рады помочь, чем можем, потому что мы не забыли о вашем замечательном рождественском подарке.

– Ну-ну, не будем об этом! Это все дело рук моего мальчишки. Кстати, как там эта бедная женщина с ребятишками?

– Неплохо, сэр. – И Джо продолжила, скороговоркой сообщив все, что знала о Хаммелях, судьбой которых ее мать сумела заинтересовать друзей, более богатых, чем они сами.

– Так всегда делал добро ее отец. На днях непременно схожу повидать твою мать. Скажи ей об этом. А вот и к чаю звонят. Мы сейчас пьем чай рано из-за болезни мальчишка. Пойдем, и продолжай «действовать по-соседски».

– Если вы этого хотите, сэр.

– Не просил бы, если б не хотел. – И мистер Лоренс со старомодной галантностью предложил ей руку.

«Что скажет об этом Мег?» – подумала Джо, шагая рядом с ним, а в глазах ее заплясали веселые огоньки, когда она представила, как рассказывает об этом дома.

– Эге! Что за черт вселился в этого парня? – воскликнул старик, когда Лори сбежал вниз по лестнице и резко остановился, пораженный неожиданным зрелищем – Джо под руку с его грозным дедушкой.

– Я не знал, что вы вернулись, сэр, – начал он, когда Джо бросила на него торжествующий взгляд.

– Это очевидно, если судить по тому, с каким грохотом ты слетел вниз по лестнице. Идемте пить чай, сэр, и ведите себя как подобает джентльмену. – И, ласково потрепав мальчишка за волосы, мистер Лоренс проследовал в столовую, в то время как Лори за его спиной прошел через целую серию комических превращений, которые едва не вызвали у Джо взрыв смеха.

Старик мало говорил, пока пил свои четыре чашки чая. Но он внимательно наблюдал за молодыми людьми, которые вскоре уже болтали как старые друзья, и от его внимания не ускользнула перемена, происшедшая с внуком. В лице мальчишка были теперь краски, свет, жизнь, в манерах – живость, а в смехе – непритворное веселье.

«Она права, мальчику одиноко. Посмотрим, чем могут помочь ему эти девочки», – думал мистер Лоренс, слушая и наблюдая. Ему понравилась Джо, так как ее немного странная прямота была ему близка и понятна, к тому же эта девочка, казалось, понимала Лори так хорошо, как если бы сама была мальчишкой.

Окажись Лоренсы из тех, кого Джо называла «тупые и чопорные», она не сумела бы завоевать их расположение, так как в обществе подобных людей всегда оказывалась робкой и неуклюжей, но, найдя их свободными и естественными, она стала такой сама и потому произвела хорошее впечатление. Когда все поднялись из-за стола, она собралась уходить, но Лори сказал, что хочет еще кое-что показать ей, и повел ее в оранжерею, где по такому случаю было включено освещение. Оранжерея оказалась Джо сказочной страной: она прогуливалась туда и сюда по длинным проходам, восхищаясь цветущими зелеными стенами с обеих сторон, мягким светом, влажным сладким воздухом, удивительными ползучими растениями и высокими деревьями, склонявшимися над ее головой, а в это время ее новый друг срезал для нее краси-

вейшие цветы, пока в руках его не оказалась целая душистая охапка; тогда он перевязал букет лентой и сказал, сияя счастливой улыбкой, которую так приятно было видеть Джо:

– Пожалуйста, передай это твоей маме и скажи ей, что мне очень понравилось лекарство, которое она мне прислала.

Вернувшись в дом, они застали мистера Лоренса в большой гостиной, где он стоял перед камином, но внимание Джо сразу привлек раскрытый рояль.

– Ты играешь? – с уважением спросила она, оборачиваясь к Лори.

– Немного, – ответил он скромно.

– Поиграй, пожалуйста. Я хочу послушать, чтобы потом рассказать Бесс.

– Не хочешь ли попробовать первая?

– Не умею. Слишком тупа, чтобы выучиться, но музыку люблю страстно.

Лори сел за рояль и заиграл, а Джо слушала, с наслаждением зарывшись носом в пахучие гелиотропы и розы. Ее уважение и дружеское расположение к внуку мистера Лоренса еще больше возросло, так как играл он замечательно и нисколько не задавался из-за этого. Она пожалела, что Бесс не слышит его игру, но не сказала об этом вслух, а только принялась так хвалить его, что он совершенно смутился и дедушка пришел ему на помощь:

– Хватит, хватит, моя юная леди. Слишком много лести. Это ему вредно. Играет он неплохо, но я надеюсь, что он сумеет добиться таких же успехов и в более важных делах. Уходишь? Ну, я весьма тебе обязан и надеюсь, что ты придешь к нам еще не раз. Мое почтение вашей матушке. Доброй ночи, доктор Джо.

Он ласково пожал ей руку, но все же ей показалось, будто он был чем-то недоволен, и, выйдя в переднюю вдвоем с Лори, она спросила, не сказала ли, сама того не зная, что-нибудь некстати. Лори покачал головой:

– Нет, это я виноват, он не любит слушать, когда я играю.

– Почему?

– Я потом тебе расскажу. Мистер Брук проводит тебя домой – мне еще нельзя выходить.

– Это лишнее. Я не барышня, и потом здесь всего два шага. Поправляйся!

– Хорошо. Но ты придешь еще, я надеюсь?

– Если ты обещаешь навестить нас, когда поправишься.

– Обещаю.

– Доброй ночи, Лори!

– Доброй ночи, Джо, доброй ночи!

Выслушав рассказ Джо о событиях этого вечера, все семейство Марч в полном составе пожелало посетить соседей, так как и мать, и каждая из девочек нашли что-нибудь очень заманчивое для себя в большом доме по другую сторону изгороди. Миссис Марч хотела поговорить о своем отце со старым человеком, который хорошо помнил его, Мег желала прогуляться по оранжерее, Бесс вздыхала о рояле, а Эми мечтала увидеть картины и статуи.

– Мама, а почему мистеру Лоренсу не нравится, что Лори играет? – спросила Джо, которая была очень любопытной по характеру.

– Точно не знаю, но думаю, потому, что его сын, отец Лори, женился на итальянке, музыкантше, которая не нравилась гордому старику. Девушка была и доброй, и милой, и талантливой, но ему она не нравилась, и он перестал встречаться с сыном после его женитьбы. Лори был еще совсем маленьким, когда умерли его родители, и дедушка взял его к себе. Я полагаю, что мальчик, который родился в Италии, в мягком климате, не очень крепок здоровьем. Старик боится потерять внука и от этого так дрожит над ним. Лори очень похож на свою мать и, вероятно, унаследовал от нее любовь к музыке. Как я полагаю, дедушка боится, что внук захочет стать музыкантом. Во всяком случае, способности мальчика к музыке напоминают мистеру Лоренсу о женщине, которая ему не нравилась, поэтому-то он и «мрачнеет», как ты выражаешься, Джо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.